

Алена Белозерская

Женщина без лица

Опасные связи

Алёна Белозерская
Женщина без лица

«ЭКСМО»

Белозерская А.

Женщина без лица / А. Белозерская — «Эксмо», — (Опасные связи)

ISBN 978-5-699-78550-6

Богатейший итальянский бизнесмен Дарио Аскари не предполагал, что когда-нибудь влюбится до самозабвения, станет отчаянно ревнивым и зависимым от женщины. Но однажды такое случилось. И теперь прелестная молодая жена сводит Дарио с ума, беззастенчиво флиртуя с его собственным сыном. Мальчик, похоже, очарован и с трудом контролирует себя. Однако семейные неурядицы не смогут отвлечь Аскари и от более серьезных проблем. Некий неуловимый дьявол методично убивает всех его партнеров, вместе с которыми Аскари начинал бизнес. Да, они добивались своего жестокостью и беззаконием... Однако с той поры прошло столько лет! Наследников вражеского клана не осталось, а кто еще может угрожать великому и могущественному Дарио?!

ISBN 978-5-699-78550-6

© Белозерская А.

© Эксмо

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алена Белозерская

Женщина без лица

Ранее роман Алены Белозерской «Женщина без лица» выходил под названием «Чарующая улыбка валькирии» под псевдонимом Алена Винтер

© Белозерская А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Глава 1

Дарио наблюдал, как жена медленно выходит из бассейна. Солнце золотило ее мокрую кожу. В его лучах Леона казалась еще более красивой. Она отряхнула волосы и рассмеялась, когда Алессандро принялся вытирать ей спину полотенцем. Дарио с ревностью смотрел на то, как он нежно дотрагивается до нее. Также возмутило, что Леона не предприняла попытки отодвинуться. Она позволяла трогать себя и явно испытывала удовольствие. Казалось, эти двое забыли о том, что их могут видеть. Они даже не предполагали, что у каждого, кто наблюдал за ними, готов слететь с губ единственный волнующий всех вопрос.

– Думаешь, они любовники?

Дарио повернулся к Себастьяно, который без интереса смотрел на тоненькую фигуру Леоны. Она уже забрала полотенце из рук Алессандро и отбросила его в сторону.

– Я не знаю, спит ли твой сын с твоей женой.

Дарио передернул плечами. Тон, которым Себастьяно ответил на вопрос, не понравился ему. В особенности раздражало, что он сделал акцент на слове «спит». Чувствовалось, что Себастьяно наслаждается ситуацией, его веселила ревность Дарио, и он даже не пытался спрятать улыбку.

– Но знаю, – добавил Себастьяно, рассматривая дым от сигары, – что сын не должен прикасаться к жене своего отца. И еще. Они собираются встретиться сегодня в городе. Я слышал, как Алессандро заказал столик в ресторане.

Дарио снова посмотрел на веселящуюся у бассейна парочку. Алессандро что-то сказал Леоне, она в который раз рассмеялась и легонько ударила его ладошкой по загорелой спине. На мгновение Алессандро прижал ее к себе, затем быстро отпустил. Все произошло в считанные секунды, но Дарио успел заметить, как страстно сын провел пальцами по спине Леоны, и как она прикрыла глаза от наслаждения. Дарио всмотрелся в смущенное лицо жены. Тонкий нос, мягко очерченные скулы и потрясающей красоты рот. На губах блестели капли воды. Он испытал желание прикоснуться к ней, затем дать оглушительную пощечину, причинить боль прямо на глазах у сына, чтобы она больше никогда не показывала ему свое тело. Ни ему, ни кому-либо другому. Даже Себастьяно не имеет права смотреть на ее хрупкие плечи, пробегать взглядом по обнаженным бедрам и оценивать их стройность. Леона принадлежит Дарио, и лишь ему разрешается видеть ее тело, дотрагиваться до нее, целовать.

Любовь и ревность одновременно танцевали в его душе. Противоречивые чувства пугали яркостью и остротой, заставляя ощущать себя неопытным юнцом, безрассудно влюбленным и неуверенным в своих силах. Ранее Дарио не предполагал, что любовь полностью поглощает человека, что объект обожания становится смыслом жизни, без которого не представляешь своего существования. И, если бы кто-нибудь сказал, будто он пополнит ряды тех, кто имеет несчастье влюбиться, Дарио рассмеялся бы в лицо этому человеку, назвав его глупцом. Он действительно не понимал влюбленных и считал, что страсть, которую они испытывают, превращает их в диких животных, дающих волю своим инстинктам. Однако сейчас он сам был одержим чувствами и ничего не мог изменить. Впервые Дарио утратил над собой контроль и с трудом управлял эмоциями. Впрочем, и любил он впервые, отчего чувствовал себя растерянным и беспомощным.

Леона убрала со щеки мокрую прядь волос и повернулась к дому. Увидев в окне Дарио, она помахала ему рукой и снова переключилась на Алессандро. Дарио ощутил, как злость быст-

рой волной пробежала по позвоночнику. Лицемерка, она даже в лице не изменилась, обнаружив, что за ней наблюдает муж.

Себастьяно рассмеялся, поняв настроение Дарио, и хлопнул себя по колену.

– Либо то, о чем все говорят, ложь, основанная на зависти, потому что такую красивую женщину, как твоя жена, многие мечтают видеть своей партнершей. Либо они, – он указал головой в сторону Леона и Алессандро, – сошли с ума от страсти, потеряли стыд, осторожность и уже ничего не боятся.

– Я хочу знать, чем закончится свидание, – тихо сказал Дарио.

– А если их обнаружат под одним одеялом? – Себастьяно невозмутимо посмотрел в горящее ревностью лицо друга. – Пригласить утром адвоката, чтобы подготовил бумаги о разводе?

– Думаю, будет лучше, если я попробую себя в новой роли.

– Станешь вдовцом?

Себастьяно в деланом восторге потер руки, словно предвкушая предстоящие события. Это заставило Дарио улыбнуться.

– Нет, – сказал он. – Стану мужем-садистом. Изобью до смерти обоих. Живого места не оставлю, если узнаю, что они любовники.

В коридоре послышался смех. Спустя минуту дверь в кабинет открылась, и на пороге остановилась Леона. Она улыбнулась Себастьяно, который с беззастенчивым нахальством рассматривал ее фигуру, прикрытую тоненькими полосками купальника, и под его пристальным взглядом направилась к мужу.

– Дорогой, – пропела она, обнимая Дарио за плечи, – я уезжаю в Рим.

Дарио поцеловал теплое плечо.

– Оденсья, – сказал он. – Не люблю, когда ты ходишь по дому почти голая.

– Хорошо, – быстро согласилась Леона. – К ужину не жди, я вернусь поздно. Возможно, заночую в городе. У меня много дел.

– Разве салоны работают по ночам? – спросил Дарио. – Или у тебя в полночь назначена встреча с тренером?

– Если вздумал играть ревнивца, то поздравляю, – ты прекрасно справился с ролью. Я испугана и расстроена. Однако это не мешает мне уехать в город и заняться своими делами. Экзекуцию отложим на завтра.

– Дорогая, ты забываешься, – злобно сверкнул глазами Дарио, намекая на то, что не следует перечить ему в присутствии посторонних.

– Нет, любимый, это ты допускаешь крайности.

Леона пристально всмотрелась в его лицо и едва заметно улыбнулась. Она знала, как это разозлит мужа, но не смогла сдержаться. Сейчас ей очень хотелось увидеть гнев в его глазах. Она не ошиблась в ожиданиях. Дарио побледнел и сжал кулаки. Он бросил на нее яростный взгляд, но вдруг смягчился. Это насторожило Леону, так как она не привыкла видеть в нем столь быструю смену настроения. Обычно Дарио до конца проживал каждую эмоцию, и если он злился, то об этом знали все. Но сейчас Дарио изменил тактику поведения. Его ярость была умело скрыта за мягкой улыбкой, что заставило Леону подозрительно прищурить глаза.

– Похоже, что синьоры снова ведут интриги, – она рассмеялась, повернулась к Себастьяно и помахала ему пальцем. – Против кого играем в этот раз? Если мишень – я, то не тратьте время впустую. А тебе, Дарио, советую не верить одноруким бесам, они часто ошибаются. Не зря их выперли с небес и сослали в преисподнюю.

Леона быстро вышла в коридор, с шумом захлопнула дверь и услышала позади себя взрыв смеха.

– Твоя жена единственная, кто осмеливается говорить мне гадости прямо в лицо, – сказал Себастьяно, вытирая мокрые от смеха глаза. – Остальные предпочитают делать это за спиной.

Видимо, только синьора Аскари не боится грозных служителей ада. Весьма опрометчиво, – заключил он.

– Да, это очень похоже на Леону, – Дарио горько усмехнулся и качнул головой, словно попытался избавиться от неприятных мыслей. – Она не испытывает страха, не лукавит. Всегда прямая и откровенная.

– Вот это истораживает. Я ее не понимаю.

Дарио взгляделся в темные глаза Себастьяно. Он был удивлен последним высказыванием.

– За те четыре года, что мы с Леоной находимся в браке, ты так и не понял, какая она?

– А ты? – Себастьяно прикусил губу, сдерживая улыбку. – Ты знаешь, на ком женат?

– Что за бред ты несешь?!

– Отнюдь. Люди не всегда такие, какими мы их видим. Они показывают нам то, что мы желаем увидеть, или то, что хотят показать. Не более. И ты прав, я не знаю твою жену. Да, она яркая, веселая и острая на язык. Но кто это, настоящая Леона или та Леона, которую она желает, чтобы все видели в ней?

– Ты сегодня злой. И циничный.

Дарио напрягся. Слова Себастьяно укололи его. Друг не впервые выказывал недоверие по отношению к Леоне, однако сейчас голос его звучал особенно мрачно, а взгляд поражал печалью.

– Да, я злой и не скрываю этого, – сказал Себастьяно так, будто исповедовался в тайных грехах священнику. – Себастьяно Корти – это открытая книга, на страницах которой нет секретов. Я не лгу, а играю. Не делаю больно, а наказываю. Говорю то, что есть на самом деле, а не строю глупые выводы. И заметь, никогда не ошибаюсь, потому что любые мои действия правильны. А то, что ты назвал меня циником, воспринимаю как комплимент моей здоровой жизненной философии.

Дарио рассмеялся.

– Ты был беззастенчивым хвастуном в пятнадцать лет. Таким же самонадеянным остался почти в шестьдесят.

– Люди никогда не меняются. Я еще не имел чести быть знакомым с человеком, который изменился бы. Все это хрень и вранье.

– Ты действительно бес! – воскликнул Дарио.

– Однорукий, – глухо добавил Себастьяно и посмотрел на свою левую руку.

Издали могло показаться, что она настоящая, уж слишком правдоподобно выглядела тонкая резина, обтягивающая легкий металлический каркас. Пальцы были идеальными по форме, слегка согнутыми, словно в естественном движении, да и цветом почти не отличались от настоящей кожи. И все же это был протез. Пусть и искусно сделанный, но безжизненный. Он не давал ощущений, имел постоянную температуру и всегда мешал. Себастьяно испытал желание отстегнуть его и выбросить в окно. Вместо этого он взмахнул своей искусственной конечностью, как дирижерской палочкой, и усмехнулся.

– Мне больше нравится думать, что я – Терминатор, – сказал Себастьяно.

– Корти, я... – замялся Дарио и виновато посмотрел на друга.

– Хватит, – Себастьяно с раздражением поднялся и прошелся по комнате. – Мы решили больше никогда не возвращаться к этой теме. Никогда! Не стоит вспоминать об ошибках, – он остановился и спрятал протез за спиной. – Итак. С Леоной и Алессандро все решено. Я отправлю Чезаре присмотреть за ними. Не дай бог, наделают глупостей. Теперь другое. В каком часу у тебя назначена встреча с Дагомировым?

– В семь, – ответил Дарио.

– Меня беспокоит, что все они зашевелились в одно время, – протянул Себастьяно. – Вчера Итенберг. Сегодня Дагомиров. А завтра весь «альянс» устроит внеочередную сессию.

– Сам не понимаю, что происходит. Они и встречи назначают по каким-то пустякам. Имма показалась мне рассеянной и чем-то озабоченной, но упорно твердила, что у нее все в порядке. Вела себя так, словно решила провести старого друга перед долгой разлукой. Признаться, я сбит с толку.

– Пора заканчивать ваши отношения, – прищелкнул языком Себастьяно. – Все, что вы могли сделать друг для друга, уже сделали. Значит, наступил момент остановиться.

– Остановиться?

Себастьяно усмехнулся.

– Подумай, как это сделать, а я пойду узнаю, что сегодня на обед.

Леона стояла в коридоре и напряженно ловила каждое слово. Услышав, что Себастьяно направляется к двери, она быстро отбежала в сторону и направилась к лестнице. У ступенек женщина остановилась, прокручивая в голове известие о встрече мужа с Дагомировым. Это хорошо, что вечером его не будет дома, удовлетворенно улыбнулась она, и стала подниматься вверх.

– Леона!

Она повернулась на зов и подхватила на руки трехлетнего внука ее мужа. Филиппо обнял Леону за шею и с нежностью посмотрел в глаза. У них были особые отношения, полные любви и обожания, что весьма не нравилось его отцу Мауро, который питал к Леоне совершенно иные чувства. Правда, на людях он не осмеливался выказывать пренебрежение, взгляд его всегда был мягким, а голос полным внимания и учтивости. Но наедине Мауро позволял себе грубости и никогда не упускал случая унижить мачеху, которая была его ровесницей.

– Где твоя мама, солнышко? – спросила Леона, опустив мальчика на пол, и осмотрелась по сторонам.

Она увидела приближающегося Мауро и усмехнулась. Рядом никого не было, значит, сейчас она получит очередную порцию оскорблений. Видя, что Мауро собирается начать разговор, она подняла руку и прошипела:

– Не смей. Еще раз обидишь меня, я скажу мужу. На этот раз я не стану молчать. И будь уверен, сделаю это в такой форме, что тебе несладко придется. Одно гадкое слово, Мауро, и ты вылетишь из этого дома.

Она отвернулась от старшего сына Дарио, с радостью отметив, каким ошеломленным стало его лицо, и побежала в спальню. В комнате было прохладно. Леона сбросила с себя купальник, прилегла на кровать и укрылась одеялом. Она долго лежала в тишине, наблюдая за колышущимися ветками деревьев, растущими перед окнами. В дверь постучали. Леона улыбнулась, потому что так настойчиво и громко стучал только один человек из ее окружения.

– Входи, Ильда, – сказала она и приподнялась на подушке.

В спальне появилась высокая черноволосая женщина. Она быстро подошла к кровати и нависла над Леонрой.

– Плохо себя чувствуешь? – спросила она, дотронувшись пальцами до ее лба. – Лео, у тебя температура, ты горишь.

В голосе слышалась тревога. Леона улыбнулась и потянула Ильду за руку, заставляя присесть рядом с собой.

– Перегрелась на солнце, – успокоила она подругу.

Ильда провела ладонями по горячим плечам и быстро завернула Леону в одеяло.

– Сколько раз просила тебя не сидеть на солнце, – проворчала она. – Твоя кожа совсем не умеет загорать. Сегодня ночью будешь мучиться от жара и боли. И не дай бог, лихорадка вернется!

Леона с любовью посмотрела на встревоженную женщину. Уже больше десяти лет они знали друг друга, но Ильда нисколько не изменилась за это время. Все также заплетает длинные черные волосы в косу, носит только темные брючные костюмы и всегда заботится о ней.

– Взбодрись, – сказала Ильда. – Ты выглядишь печальной. Не такой тебя привыкли видеть другие.

– Мне нужно прийти в себя, – покачала головой Леона. – Я переиграла у бассейна.

– Да, ты немного перестаралась. Дарио взбешен, Алессандро безумно влюблен, а Себастьяно с наслаждением наблюдает за происходящим. Будь осторожна, потому что Дарио жестоко накажет тебя, если уличит в измене.

– Но я не собираюсь встречаться с Алессандро. Тем более спать с ним.

– Ну и зря, – хмыкнула Ильда. – Он молод и красив. Я бы не сопротивлялась, только сделала бы это хитро.

– Он мой пасынок, – напомнила Леона, но глаза ее лукаво заблестели. – В любовных вопросах ты плохой советчик. Табо уже уехал?

– Да. Два часа назад.

– Нервничаешь?

Ильда удивленно посмотрела на Леону:

– С чего бы? Все идет по плану.

– А я боюсь, – вдруг пылко сказала Леона.

Ильда быстро встряхнула ее за плечи.

– Успокойся. Тебе нечего бояться. Ну, тише. – Она обняла женщину и поцеловала в лоб. – Сейчас приведи себя в порядок и спускайся в столовую. Через двадцать минут подадут обед. Себастьяно уже час мешает поварихе готовить, поэтому еда вряд ли окажется вкусной. Потом я отвезу тебя в город. Повеселись вечером, только не давай Дарио повод избавиться от тебя. Хорошо, дорогая?

Леона кивнула.

– Ильда, я не знаю, сколько еще выдержу.

– Столько, сколько нужно, – отрезала Ильда и поднялась.

Она отряхнула пиджак, приладила волосы и вынула из кармана звонящий телефон. Быстро переговорив, она посмотрела на Леону.

– Табо прошел регистрацию. Все в порядке. Знаешь, новая подружка Алессандро очень на тебя похожа. Смешно. Тебя он получить не может, поэтому спит с копиями.

– Как бы Чезаре не принял ее за меня, – улыбнулась Леона.

– Поверь мне, он не ошибется, – уверенно сказала Ильда. – Чезаре проницательный и умный сукин сын. К тому же весьма любопытный. Хотела бы я увидеть лицо Себастьяно, когда он поймет, что снова оказался в заднице. Он ведь мечтает застать тебя в постели Алессандро. – Она вышла из комнаты.

Леона подошла к столику и взяла в руки фото мужа. Затем бросила рамку на постель и направилась в ванную.

Глава 2

Роман рассматривал одноклассников и удивлялся тому, насколько они изменились. Все были чужими и абсолютно незнакомыми. Казалось, ничего не осталось от тех задорных и веселых ребят, какими они были в юности. Игорь Писарь стал похож на многотонную пивную бочку, а когда-то обладал атлетической фигурой и самыми широкими плечами в школе. Конечно, плечи остались, но не на них обращали внимание, а на живот, который с трудом помещался в брюках. Сергей Иванов, задира и весельчак в прошлом, сейчас представлял собой затравленного жизнью неудачника. Он стал саркастичным и жестким, постоянно жаловался и много пил. А девчонки, что с ними произошло? Лиля Исаенко тихо сидела в уголке, ничем не напоминая ту красавицу, по которой томно вздыхали все мальчишки в классе. Она испуганно посматривала на пьяного мужа, Ивана Юрковского, который пытался что-то объяснить бывшему соседу по парте. Язык с трудом слушался его, и он помогал себе руками, как будто жестами ему было легче выразить мысль. Антон Ларин, тот самый сосед, уворачивался от цепких рук и обреченно оглядывался, взглядом прося о помощи. В конце, не выдержав, он пересел к Роману и вздохнул.

– Упился Ванька, – шепнул он. – Сказал, что жизнь – дерьмо, а Лилия – дура. Все. Он считает, что время его ушло, самое лучшее уже случилось, а хорошего больше ничего не предвидится. Обидно, когда человек в неполные сорок лет ощущает себя старцем.

Роман ничего не ответил. Он посмотрел на Веронику Краснову. Из всех, пожалуй, только она, да еще и Антон производили впечатление счастливых людей. Остальные были усталыми, обозленными и потрепанными.

– Вероника! – выкрикнул Иван Юрковский. – Ходят слухи, что ты замужем за богатеем. Правда?

– Замужем, – кивнула Вероника. – За умным и интересным человеком. С деньгами, – она посмотрела на Романа и подмигнула ему, затем повернулась к Ивану. – А я слышала, что ты, Юрковский, пьянствуешь и жену поколачиваешь. Так задержал Лилию, что она за весь вечер и рта не раскрыла.

– А нечего бабам много говорить, – оскалился Юрковский. – Это вас не красит.

– А в лоб? – деловито поинтересовалась Вероника. – Не забыл, как я тебе в десятом классе челюсть снесла? Могу повторить.

– Какие мы смелые! – Юрковский тяжело поднялся и направился к Веронике, но был остановлен Романом. – Отпусти, Сафонов. Верка хочет, чтобы я ей сдачу вернул.

– Успокойся, – попросила Лилия, жена разбушевавшегося Юрковского, и бросила виноватый взгляд на Веронику. – Не провоцируй его. Видишь, ему сейчас на все наплевать.

Вероника потянулась за сумочкой.

– Я ухожу, – сказала она. – Всем спасибо за прекрасную встречу. Сафонов, ты остаешься? Роман улыбнулся, взял ее под руку и отвесил поклон одноклассникам.

– Ciao!

– Вали, Челентано, – послышались веселые голоса.

– Я с вами, – втиснулся между Вероникой и Романом Антон. – Спасите, умоляю! Плесень зеленой тоски съедает душу. Хочется ослепнуть и оглохнуть, лишь бы не видеть этого балагана и мракобесия.

– Ларин, ты как пиявка. Всегда не вовремя и надолго, – улыбнулась Вероника, но руку не убрала. – Идемте, мои верные кавалеры. Помнится, мы с вами были чудной компанией.

Они до поздней ночи гуляли по Невскому, вспоминая веселые годы юности. Воздух был теплым, настроение беззаботным и радостным, поэтому расходиться не хотелось.

– Двадцать лет не виделись, – сказала Вероника. – Однако сейчас мне кажется, что их и не было. Такое странное ощущение, будто мы все еще учимся в школе. Ромка, а чем ты в Москве занимаешься?

– Бизнесом, – ответил Роман и посмотрел на темную воду канала.

– Свое дело? – поинтересовался Антон. – Молодец! Похоже, из всех наших только мы научились зарабатывать деньги.

– Я все еще в стадии обучения, – улыбнулся Роман.

– Так чем занимается твоя фирма?

– Разве я говорил, что у меня фирма? Да, я занимаюсь бизнесом, но работаю не на себя.

– Сафонов, ты не изменился. Сплошные загадки и недомолвки. Челентано хренов! Не желаешь говорить о себе, так и скажи. Но мне интересно, ты же все это время не давал о себе знать. А ведь в школьные годы я был твоим лучшим другом.

– А я? – Вероника повисла на перилах моста и наклонилась вперед.

– А ты всегда так прodelывала, чтобы Роман испугался и бросился тебя поддерживать. Типичная уловка женщины, которая боится сказать о том, что ждет объятий.

– Не всегда нужно говорить напрямик, – сказала Вероника. – Иногда приятнее общаться намеками.

– Именно из-за намеков мы и не умеем общаться, – вздохнул Антон. – Мы ждем, чтобы угадали наши желания, а потом обижаемся, если нас вдруг не правильно понимают.

– Ты несчастлив, Антон? – спросила Вероника и дотронулась до его руки.

– Счастье – это когда ты мастерски научился обманывать самого себя. Поэтому абсолютно счастливых людей нет. Есть те, кто херово лжет самому себе, например, как наш Юрковский. И есть такие, как Роман. Смотри, светится, как американская валюта. Умеет производить впечатление могущества, достоинства и благополучия. Глядишь и веришь, что у этого человека ни зуб не болит, ни с женщинами проблем нет, да и с остальным все в порядке. А я развожусь.

– Мне жаль, – Вероника участливо посмотрела на него.

– А мне нет, – вдруг рассмеялся Антон. – Наоборот, я получил то, что желал. Свободу. Роман ведь потому и не женился. Знал, наверное, что лучше остаться холостяком.

– Я не женился по одной простой причине, – произнес Роман после недолгого молчания. – Я эгоист и зануда. Нет ничего хуже, чем выйти замуж за такого мужчину.

– Если мужчина говорит о себе плохо, не верь: он просто набивает цену, – Антон пнул Романа в бок и отскочил в сторону.

– Так, понятно, – Вероника встала между мужчинами. – Антон скоро станет счастливым холостяком. А ты, Ромка, говори правду! Почему не женился?

– А на фига это нужно? – спросил Антон. – Ой! Не надо, – он предупредил слова Вероники. – Не говори мне о семейном уюте, о детях и душевном тепле. Давайте будем здоровыми циниками и признаемся, что все это необходимо, когда рядом есть близкий человек. А близкий, в моем понимании, это тот, кто заряжает собой воздух, без которого жизнь не имеет смысла. Тот, который дает возможность быть нежным и щедрым. Которому хочется быть верным. Которого уважаешь и любишь. Если рядом нет такого, то лучше быть одному, потому что все остальные будут лишь подделкой. Вот моя жена была подделкой, или я был подделкой для нее. Это уже не имеет значения. Мы делали друг друга несчастными.

– А сейчас ты бросишься в водоворот страстей и станешь искать бриллиант в куче навоза? – Вероника рассмеялась и прикрыла лицо руками.

– Естественно. Буду ошибаться, но не прекращу поиски. Мы ведь рождены для счастья. Жаль, Вера, что ты замужем, так бы я с тобой счастья поискал.

Вероника засмеялась еще громче.

– Ошибочные сведения. Я не замужем, – сказала она. – Но на сегодня я уже сделала выбор. Если мне не откажут, ночь будет прекрасной.

Она прикусила губу и посмотрела на Романа. Тот едва заметно усмехнулся. Вероника солгала о том, что не замужем. Обручальное кольцо она сняла перед самой встречей в ресторане, поэтому след его еще некоторое время был виден на безымянном пальце. Наверное, оно лежало где-нибудь в сумочке и вскоре снова появится на своем положенном месте.

– Нет, Верка, – вдруг сказал Роман, разглядывая ее соблазнительные бедра, обтянутые тонкой атласной юбкой. – Сегодня ты отправишься домой к мужу. Не нужно наставлять рога своим благоверным. Они от этого некрасиво выглядят.

– Нельзя отказывать женщине, которая себя предлагает, – авторитетно произнес Антон и погладил Веронику по плечу. – Ну, не плачь, жертва неудавшегося адюльтера.

– Да пошли вы! – махнула рукой Вероника. – Черт! Сафонов, я же тебя когда-то любила.

– Тебе казалось, что ты меня любишь, – Роман прижал женщину к себе. – Не глупи. Мы сейчас выпили немного, и детские чувства вернулись. А завтра ты жалела бы.

– Самое противное, что ты отказал мне при Антоне, – шмыгнула носом Вероника.

– Я тебя умоляю! – воскликнул Антон. – Мне столько раз прилюдно отказывали, что я уже и со счету сбился. Стыдно только в первый раз. Давайте выпьем за первый раз! Он самый запоминающийся.

В отеле Роман долго лежал в постели, уговаривая себя заснуть, но сон не приходил. Тогда он устроился у окна и провел остаток ночи, вглядываясь в огни ночного Питера, города, где пролетело его детство. В Москву возвращаться не хотелось, потому что там его никто не ждал. Не было рядом той единственной, которая, как выразился Антон, заряжала бы собой воздух.

Глава 3

Альдо снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула, чтобы не измялся, и пригладил. Усмехнувшись, он подумал, что, если бы его жена не была столь придирчиво аккуратной, пиджак уже давно был бы брошен на диван, джемпера и рубашки кучкой складировались бы где-нибудь в углу комнаты, а свежие носки доставались бы не из комода, а покупались в магазине. Однако Франческа, во всем соблюдавшая порядок, не терпела подобных выходов. За двенадцать лет брака она приучила его бережно относиться не только к одежде, но и к быту в целом. Их сын Гвидо перенял от матери одержимость чистотой, и Альдо порой удивлялся организованности и опрятности своего десятилетнего сына, комната которого никак не напоминала комнату подростка. Порой он смеялся, говоря, что на рабочем столе мальчика можно проводить операции, настолько все казалось стерильным. Альдо прикрыл глаза и задумался. Гвидо часто напоминал ему Лука, он был таким же мягким, веселым и надежным. Все эти качества отражались не только в поведении, но и в речи, а также в той обстановке, которой они оба себя окружали. Но самое главное, это светилось в глазах, черный мягкий блеск которых внушал доверие и говорил об особом чувстве собственного достоинства.

Альдо прошел к кухне и остановился, с удовольствием наблюдая за женой и сыном, которые вместе готовили ужин. Они смеялись и поддразнивали друг друга, совсем не замечая отца, тихо стоявшего у порога.

– Женщины готовят хуже, чем мужчины, – усмехнулся мальчик, пробуя соус.

Франческа откинула голову назад и рассмеялась.

– Скажи это своей бабушке, и она не будет разговаривать с тобой до конца жизни.

– Не думаю, что этим она накажет Гвидо, – вступил в разговор Альдо. – Может, лучше я скажу теще, что она никудышный повар? По крайней мере, избавлюсь от вынужденного общения с ней.

Франческа бросила в мужа полотенце.

– Обманщик! – воскликнула она. – Ты обожаешь мою мать. И готовит она хорошо. Сам не раз говорил ей об этом.

Альдо хмыкнул и подошел к плите.

– Новый соус? – принялся он.

– Мама экспериментирует, – заулыбался Гвидо. – Папа, ты помнишь, что обещал после ужина помочь мне склеить модель самолета? Я уже почти все сделал сам, но там есть маленькие детали, которые без тебя я не смогу установить.

Альдо устало опустил плечи. Он виновато посмотрел на поникшего сына, догадавшегося, что планы отменяются.

– Прости, Гвидо, – Альдо взъерошил жесткие волосы мальчика. – После ужина я должен уехать. Вернусь очень поздно.

– Как всегда, – вздохнул Гвидо, отложил половник в сторону и направился к себе в комнату. – Ужинать не хочу. Я не голоден.

Альдо развязал галстук и бросил его на кухонный стол.

– Мне жаль, – произнес он скорее для себя, чем для жены. – Франческа, завтра утром вы с Гвидо уезжаете из Рима.

– Что? – с обидой и недоумением посмотрела она на него. – Куда?

– Во Флоренцию, к моему дяде. Я уже договорился о переводе Гвидо в другую школу. Да и для тебя Феличе нашел работу. Ваш отъезд не обсуждается.

Франческа присела на краешек стула и сложила руки у груди.

– Альдо, что произошло?

– Все в порядке.

– Тогда почему мы должны уезжать в такой спешке? А ты?! Ты остаешься?

Альдо кивнул. Он взял половник, который Гвидо положил на тарелку, и облизнул его.

– Соус вкусный. Необычный, – причмокнул он губами. – Я остаюсь. Это не надолго, обещаю. А сейчас мне нужно уйти. Когда вернусь, помогу собрать вещи.

Альдо дотронулся пальцами до блестящих локонов и притянул жену к себе. Она доверчиво прижалась к его груди, понимая, что спрашивать ни о чем не следует. Нужно лишь верить и делать то, что говорят.

* * *

Спустя час Альдо Кондотти подъехал к старинному особняку восемнадцатого века, окруженному высоким каменным забором. У ворот его встретила охрана, которая после тщательной проверки пропустила машину во двор. Едва Альдо остановился у ступенек, как к машине подошел высокий мужчина и вежливо открыл дверцу.

– Синьор Моретти просил передать, что он в библиотеке, – сказал мужчина и наклонил голову вперед.

Альдо кивнул и стал подниматься по ступенькам. В доме он ориентировался легко, поэтому уже спустя несколько минут стоял перед дверьми библиотеки. Он стукнул два раза по деревянной поверхности и прошел внутрь.

Карло Моретти, окруженный клубами сигаретного дыма, читал газету у огромной настольной лампы. В ее свете, искаженном плавающими белыми стустками дымчатой массы, он выглядел еще более зловещим, чем обычно. Темные тени причудливо играли на его лице, кожа на вид стала очень смуглой, волосы были чернее ночи, нос казался еще длиннее и тоньше, только губы остались прежними, такими же хищными и красными. Карло поднял глаза на Альдо и улыбнулся.

– Мне бы в кино играть, не так ли? – он приподнял подбородок и рассмеялся.

– Ты и так живешь, как в кино, – возразил Альдо. – Вернее, твоя жизнь – это кино.

Он подошел к столу и протянул руку. Карло ответил на приветствие. Его пальцы были теплыми и мягкими. Альдо с удивлением подумал о том, что Карло умеет вселять в него спокойствие. Легкое пожатие руки, и все тревоги как рукой снимало.

– Я проведу тебя к Лука.

– Как он? – спросил Альдо, и в голосе его почувствовалось волнение.

– Сегодня лучше, чем вчера, – Карло понимающе похлопал его по плечу. – Утром давление подскочило. Перепугались к чертям! А к вечеру все пришло в норму. Даже пытался подшутить надо мной. Ты нервный, Альдо.

– Тебе кажется. Я такой же, как всегда.

– Ну, я же говорю, что ты нервный, – улыбнулся Карло.

Альдо улыбнулся следом. Пожалуй, впервые он так искренне и весело улыбался. Они остановились перед массивной дубовой дверью комнаты Лука.

– Выпьешь со мной позже?

– Конечно, – сказал Альдо.

В комнате было тихо и темно. Пахло лекарствами, но не противно, как в больнице. Это был слабый запах мяты, валерианы и еще нечто неуловимого, как могут пахнуть только медикаменты. Альдо потянулся к выключателю, и через мгновение в комнате стало светло.

– Здравствуй, Альдо, – произнес Лука, повернув голову в его сторону.

– Здравствуй.

Альдо сделал несколько шагов вперед и остановился, с горечью посмотрев на Лука. Тот неподвижно сидел в инвалидном кресле. Одет он был просто, но элегантно, в легкие светлые брюки и рубашку. На ногах были туфли под цвет брюк. И яркий шарф на шее. Лука всегда

выглядел изящным и стильным. Жаль, что он сам этого не видел. Альдо перевел взгляд на обожженное лицо. Когда-то Лука был красив, а сейчас на него невозможно смотреть без содрогания. Шрамы от ожогов стали намного светлее, но покрывали собой все лицо. Огонь расплавил кожу, превратив ее в пористые рубцы со страшным рисунком. Сплавил веки, выжег глаза, обезобразил шею. Да, внешне Лука вызывал отвращение. Он знал об этом, и это терзало его. В довершение ко всему Лука не мог ходить, оставаясь беспомощным. Невозможность двигаться бесила его не менее чем слепота. Именно поэтому моментами он был крайне озлоблен, но быстро остывал, понимая, что раздражением и отчаянием ничего не изменишь.

– Альдо, – неровные губы растянулись в улыбке, – не стой на месте. Присядь.

Альдо кивнул и потер подбородок. Затем вспомнил, что Лука не видел его кивка, и сказал:

– Я сажусь в кресло.

Лука рассмеялся.

– Ты ведешь себя, как Карло. Тот тоже комментирует свои действия. Я подхожу к окну, я открываю окно, окно открыто. Твою мать! Холодно! Все, окно закрыто.

Альдо рассмеялся.

– Синьор Моретти всегда отличался учтивостью и искрометным чувством юмора.

– Ты прав. Но порой он перегибает палку, – Лука наклонил голову вперед. – Сегодня, например, он особенно надоедлив. За день задал тысячу вопросов о моем самочувствии.

– Он беспокоится о тебе. И я беспокоюсь. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Давай, закончим с разговорами обо мне и перейдем к другой теме. Когда ты вылетаешь?

– Завтра в двенадцать.

– Вы не изменили порядок?

– Нет, – Альдо прокашлялся. – Все в силе. Первая тройка – Итенберг, принц Афдал, Дагомиров.

Лука дотронулся ладонями до обожженного лица. Он глубоко вздохнул и внезапно обмяк в кресле. Альдо подскочил к нему и подхватил на руки.

– Карло! – закричал он.

– Что случилось? – влетел в комнату Карло и, увидев бесчувственное тело на руках у Альдо, повернулся к охраннику. – Доктора Риццо сюда. Немедленно!

Глава 4

Имма Итенберг хлопнула рукой по столу.

– Посмотри на эти фото! – воскликнула она и бросила газету на колени молодого человека, который тихо сидел на диване.

Он боялся пошевелиться, потому что мать была в бешенстве. Нужно спокойно выслушать ее и продолжать делать то, что и раньше. Час позора и унижений, после – беззаботное веселье, выпивка и все остальное.

Имма остановилась перед Сигурдом, который молча слушал ее обвинительную речь. Он опустил глаза в пол, показывая свою покорность и раскаяние. Имма жестко усмехнулась, потому что подобной уловкой ее было трудно обмануть. Ее вообще нельзя было обмануть. Еще не родился такой человек. И этот двадцатилетний юнец, который считает мать полной дурочкой, купившейся на дрожащий от обиды подбородок, мольбу в глазах и слезы на щеках, не смягчит ее гнев и не избежит наказания.

– Мама, такое больше не повторится.

– Я знаю, – сказала Имма и дала сыну подзатыльник. – Я тебя всего лишу, если еще раз увижу в компании дружков-собутыльников. Еще одно фото в газете, где ты пьянствуешь и тискаешь девок, будешь в конюшне имения уборщиком работать. Понятно?

Сигурд быстро закивал головой.

– Не приведи господь случиться подобной выходке, – Имма притянула парня к себе, – и я забуду, что ты мой сын. Сигурд, я не шучу! Мне стыдно, когда у меня спрашивают о детях. Разве я могу сказать, что мой сын – бездельник и пьяница? Меняйся, сынок, иначе я сама изменю тебя, заперев в клинике.

– Можно я пойду? – спросил Сигурд. – Мамочка, пожалуйста...

– Уходи, – Имма указала рукой в сторону двери. – И газету заberi. Не могу смотреть на эту мерзость!

Сигурд подхватил газету и выбежал из кабинета. Имма недовольно посмотрела ему в след. Мальчишка совсем распустился, пора принимать меры, чтобы поставить его на место. Но сейчас ей нужно успокоиться, привести мысли в порядок. А это можно было сделать только в одном месте. Имма набрала номер гаража.

– Ларс, подготовь моего красавца. Хочу съездить на трек.

Через двадцать минут она спускалась по ступенькам к темно-синему «Bugatti». Теперь в ней сложно было узнать могущественную Имму Итенберг – одну из самых богатых женщин Швеции. Сейчас она напоминала молодую женщину, спешащую на свидание с любовником. Имма была хороша в свои пятьдесят с лишним. Высокая, светловолосая и стройная, она умела очаровывать и влюблять в себя. Но так же она умела оскорблять, ненавидеть и убивать. Немало людей пострадало от ее злобного языка и не менее злобного характера. Но сегодня, несмотря на испорченное сыном настроение, она была довольна прошедшим днем, принесшим прибыль компании, да и жажда скорости поднимала настроение. Она вся светилась от счастья и даже напевала вслух какую-то популярную мелодию.

Имма забрала ключ из рук шофера, села в «Bugatti» и выглянула из окна. Улыбаясь, она смотрела на голубое небо, затем включила зажигание. Раздался взрыв. Машина подпрыгнула вверх и с грохотом опустилась на мощеную дорожку. Шофер, подогнавший машину, отлетел в сторону. Падая, он ударился головой о землю и долго не мог прийти в себя, не понимая, что происходит. Он смотрел на черный дым, валяющийся из искореженной машины, на языки пламени, обнимающие авто изнутри. Сердце бешено застучало, потому что до него вдруг дошло, что хозяйка погибла. Он перевел взгляд на охваченное огнем тело мадам Итенберг и скрутился от мгновенно подкатившей рвоты.

* * *

В темноте окружающие предметы кажутся совсем другими, нежели при дневном свете. Время тянется медленнее, словно черное небо цепляется за минуты и растягивает их. Мужчина уже час не двигаясь стоял в кустах, ожидая появления принца Афдал-Валида бин Мактума бин Азиза. Он без проблем попал во дворец принца, рассказы о неприступности которого были весьма преувеличены. Хотя, если бы не помощь со стороны, он не смог бы ориентироваться в этом муравейнике.

Мужчина посмотрел на часы. Через четыре минуты принц Афдал появится у бассейна. Он всегда плавает перед сном и никогда не отменяет это мероприятие. Лишь вынужденный отъезд из страны может заставить его изменить свои привычки. Осталось четыре минуты до появления принца, пять секунд на работу, три минуты, чтобы выбраться из дворца. Он сделал глубокий вдох и опустил глаза вниз. Затем посмотрел на голубую подсвеченную воду и услышал тихие шаги. Принц Афдал направлялся к бассейну не один. Это обстоятельство насторожило мужчину, потому что подобного не предполагалось. Ранее принцу не требовался компаньон, чтобы отдохнуть в конце дня. Мужчина подумал о том, что время на работу увеличится. Это плохо. Сначала он выстрелит в принца, потом в его спутника. Только делать все придется с максимальной точностью и быстротой, чтобы у мужчин не было времени нарушить его планы глухими стенами или, хуже того, выкрикнуть о помощи.

Мужчина прислушался к шагам. Принц Афдал остановился, и с ним его компаньон. Затем он направился к бассейну, теперь уже один.

Принц подошел к кромке воды. Он раскинул руки в стороны и поднял голову вверх, всматриваясь в звездное небо. Мужчина вскинул руку с пистолетом вверх. Он смотрел на принца со спины, на то, как колышутся его белые просторные одежды, и бесшумно продвигался вперед. Не прекращая движения, он дважды выстрелил принцу в голову и остановился, с каким-то странным очарованием наблюдая, как тело принца падает в воду. Еще мгновение он оставался на месте, рассматривая кровь, растворяющуюся в воде, и белую гутру, плавающую на поверхности.

– Выводите меня, – тихо произнес он, прикоснувшись к гарнитуре в ухе, и направился к месту, куда ему приказали двигаться.

* * *

– Андрэ, я хочу шампанского.

Дагомиров отложил бумаги в сторону и посмотрел на полулежащую в кресле молодую женщину.

– Ты слишком много пьешь, Рита, – сказал он. – И я не люблю, когда ты меня так называешь.

– А я не могу произносить твое имя на русский манер.

Он подошел к бару.

– Здесь нет шампанского.

– В твоем самолете нет шампанского? – Рита ехидно прищурилась. – Тогда налей что-нибудь из того, что есть.

Дагомиров плеснул виски в бокал и протянул женщине.

– Могла бы подождать до Нью-Йорка. Осталось лететь совсем немного.

– Почти пять часов, – она сделала большой глоток и расслабленно оперлась о спинку кресла. – В следующий раз нужно проследить, чтобы шампанское в самолете присутствовало. Я не могу летать без него.

Рита Бардем сегодня вызывала у Дагомирова неимоверное раздражение. Ее склонность и постоянные придирки выводили из себя. Быстрая речь, глупые высказывания и то, как она произносила его имя, заставляли сжимать зубы, запрещая колким словам вырваться наружу. Особую досаду вызывал ее затуманенный алкоголем взгляд. Сам Дагомиров почти не пил, и то, что его подруга регулярно прикладывалась к бутылке, порой делало их общение невыносимым.

«Пора заканчивать, – подумал он. – Прилетим в Нью-Йорк, там и оговорим наш разрыв. Наверняка закатит сцену. Да, этого не избежать». Он посмотрел в иллюминатор. За бортом плескалась ночь, обхватившая собой небольшой самолет, летящий над Атлантикой. Внезапно Дагомиров почувствовал холод внутри себя. Он подошел к бару и налил выпить. Рита уже допила свой виски и показала, что желает еще.

– Достаточно, – сказал он, заметив, как она недовольно скривила лицо.

– Ведешь себя, как мой папочка, – протянула она и подошла к нему. – Ну, хорошо, пить больше не буду. Может, тогда займемся чем-то более интересным.

Она просунула руки под его пиджак и провела пальцами по спине. Еще недавно Дагомиров не отказался бы заняться сексом в самолете, но сейчас ему не хотелось. Женщина догадалась, что у ее любовника нет желания к утехам, усмехнулась и снова села в кресло. Она взяла в руки журнал и без интереса стала пролистывать страницы. Внезапно глаза ее загорелись, наткнувшись на яркий заголовок.

– Здесь пишут, – сказала Рита, – что нас признали самой стильной парой года. Все ждут, когда мы поженимся.

Дагомиров бросил взгляд на фото. Рита действительно была очень красивой. Высокая, почти одного роста с ним, черноволосая и смуглая. Он часто видел, с каким желанием на нее смотрят мужчины. Но и сам Дагомиров был хорош собой, поэтому никогда не волновался, что Рита переключит свое внимание на другого. Его приятная внешность притягивала ее, но больше всего Рите нравились его деньги. Дагомиров усмехнулся, вспомнив, с какой жадностью она принимала подарки и, не стесняясь, требовала еще.

– Так, когда ты на мне женишься? – услышал он вопрос, но не успел ответить, потому что стационарный спутниковый телефон, установленный только нынешним утром, зазвонил.

«Странно, – подумал Дагомиров, беря трубку, – еще никто не знает этого номера». В течение двадцати секунд он слушал, что ему говорят, и лицо его постепенно бледнело. Он оторопело посмотрел на Риту и вскочил с кресла, но уже ничего не успел сказать.

* * *

В середине ночи самолет господина Дагомирова, известного российского бизнесмена, пропал с экранов радаров. Диспетчеры, ведущие самолет, засуетились. В короткие сроки была организована спасательная операция и отправлена группа на поиски пропавшего в Атлантике самолета. Но все, что удалось обнаружить, это мелкие обломки взорвавшегося в воздухе «Гольфстрима». Ни тел, ни черных ящиков. Все сгорело, а то, что уцелело, поглотили холодные воды океана.

Наутро главной новостью СМИ были жестокие убийства Иммы Итенберг, принца Афдал-Валида бин Азиза, Андрея Дагомирова и его очаровательной любовницы, актрисы Риты Бардем.

Альдо прочел вслух заголовки статей и заметил, как плечи Лука нервно дернулись. Склеенные обезображенные веки стали влажными. Он дотронулся платком до его щеки и с ненавистью посмотрел на фото Дагомирова, напечатанное на первой полосе газеты.

Глава 5

Генерал-лейтенант Риммин, начальник управления специальной разведки, прокашлялся. Сиплый кашель короткими волнами разошелся по кабинету. Сидящий рядом с генералом полковник Щербатов отвернулся в сторону и, сморщившись, посмотрел на полковника Барова, который пытался спрятать улыбку. Всем было известно, что генерал любит чихать и кашлять на сидящих рядом. Поэтому на совещаниях все старались найти место подальше от него, опоздавшие неудачники вынуждены были вытирать щеки и шею платками.

– Уже десять лет как бросил курить, а все равно задыхаюсь, – выдохнул из себя генерал и потянулся за салфетками.

Присутствующие почтительно молчали, ожидая, когда генерал начнет разговор, ради которого, собственно, и было организовано это экстренное совещание. Генерал-полковник Сагин, нынешний начальник ГРУ, ранним утром вернулся из Кремля злым и раздраженным. Затем он закрылся в своем кабинете с Римминым. Теперь заместители шефа, начальники отделов и их заместители, а также остальные, по рангу имеющие разрешение присутствовать на подобных встречах, ожидали, когда озвучат время совещания. Долго ждать не пришлось. Непонятно почему, но все были странно возбуждены. Тема оказалась необычной, почти не относящейся к их деятельности, и именно это обстоятельство порождало волнение и вызывало нервозность.

Генерал-полковник Сагин отсутствовал, и главным в комнате оставался генерал-лейтенант Риммин. Он несколько затягивал с началом, но это было в его манере, поэтому остальные спокойно молчали, предоставляя старику возможность раскачаться и собраться с мыслями.

– В общем, так, – сказал Риммин и кивнул Барову, чтобы тот раздал всем присутствующим тонкие папки. – Сегодня ночью взорван самолет Андрея Дагомирова. Мы будем вести расследование.

– Почему не ФСБ? – поинтересовался генерал-майор Зотов. – Это не входит в наши обязанности.

– Сергей Дмитриевич, кому как не вам известно, что, если решение поступает сверху, никто не имеет права его обсуждать, – вспыхнул Риммин. – Мне и самому не нравится вмешиваться в сферу деятельности, которая не имеет к управлению никакого отношения. Мы не сыщики, вынужденные бегать за убийцами. Однако не мне решать. Мое дело начать операцию, найти сотрудников, которые займутся этим вопросом, и докладывать вверх о продвижении расследования.

– А почему верхушка так заинтересована в этом? – спросил полковник Щербатов.

Он отодвинул стул от Риммина, так как выражение лица того говорило, что сейчас он снова начнет кашлять. Однако Риммин передумал. Он обратил на всех полный злобы взгляд, но тут же расслабился. Все облегченно вздохнули. Генерал с подпольным прозвищем Бобр, из-за коротких седых и вечно стоящих дыбом волос на голове, справился с внутренним раздражением. Значит, далее разговор пойдет в спокойном русле.

– Личные мотивы, Лешенька, – генерал поджал губы. – Может, дружба. Может, желание узнать, почему двадцать шестая строчка «Форбс» внезапно оказалась похороненной в водах Атлантического океана. Необходимо выяснить, с чем мы имеем дело. То ли это выпад, направленный на одного только Дагомирова, то ли это некое тайное соглашение с целью уничтожения богатейших людей планеты. Имма Итенберг и принц Афдал были убиты в одно время с Дагомировым с разницей в несколько часов. Это не похоже на простое совпадение. Афдала вели, кстати, ваши ребята, Максим Викторович, – генерал повернулся к генерал-майору Павлову.

Тот кивнул, но ничего не сказал по этому поводу. Лишь почувствовал, как кожа ладоней начала зудеть, уж очень ему не понравился взгляд Риммина.

– Если это террористическая операция, – настойчиво повторил Зотов, – тем более этим должна заниматься ФСБ. И Интерпол нужно подключать.

– Дело не должно быть предано огласке, – покачал головой Риммин. – Прессу уже начали усыплять тем, что взрыв самолета произошел по техническим причинам. В нашу сегодняшнюю задачу входит следующее: решить, кто будет вести это дело. И план действий необходимо составить очень быстро, потому что, как вы понимаете, время наш противник. Итак, перед вами папки с кандидатами. Из списка внештатных я выбрал четверых, которые, по моему мнению, наиболее подходят для этого задания. С вашей помощью я хотел бы остановиться на одном.

Генерал замолчал, рассматривая своих подчиненных. Их было всего семеро, так как для такого деликатного дела ему не хотелось привлекать большее количество людей. Вглядываясь в их лица, он пытался прочесть, о чем они думают, и с удовольствием отмечал, что ему это не удается, уж слишком хорошо они владели своими эмоциями. Каждый из них прошел великолепную подготовку в стенах Академии, кроме того, все они являлись отличными аналитиками, и им не раз приходилось иметь дело с оперативной работой. Большинство из них руководили спецоперациями, Зотов даже имел несколько боевых ранений. Хотя генерал Риммин считал, что, если бы тот не проявил такую энергичную напористость, тех пуль можно было бы избежать. В любом случае, люди, сидевшие вокруг него, вызывали глубокое уважение, и он всегда прислушивался к их мнению.

Полковник Щербатов прикрыл глаза, вглядываясь в предложенный список. Никаких имен, фото, лишь результаты тестов, сведения о проведенных операциях и заключения психологов. Он отложил бумаги в сторону, показывая, что составил мнение и готов озвучить его вслух. Он скусающим взглядом обвел своих коллег, все еще занятых изучением бумаг. Генерал незаметно улыбнулся. Алексей Щербатов всегда мыслил быстрее всех присутствующих. Синеглазый и светловолосый, он был весьма привлекательным мужчиной, это признавали все в управлении, видя, как бравого полковника обхаживают дамы. И прозвище у него появилось соответствующее – Джакомо. Щербатов, конечно, возмущался, когда слышал об этом, но все же было видно, что ему приятно.

Риммин шумно отпил чай из кружки. Это означало, что изучение документов подошло к концу, и Бобр требует, чтобы на него обратили внимание.

– Итак? – Риммин пригладил подбородок, желая, чтобы его мнение совпало с мнением присутствующих в комнате.

– Кандидат номер два, – сказал Щербатов, оглядел остальных и увидел их молчаливое согласие.

– Я поддерживаю Алексея, – сказал Зотов и увидел, как удовлетворенно улыбнулся генерал Риммин.

Значит, выбор старика уже давно пал на этого кандидата, просто он хотел удостовериться в том, что остальные примут такое же решение.

– Вот и получил паренек ангажемент, – тихо, словно разговаривая с самим собой, произнес полковник Баров и нахмурился.

– Ты против, Виктор? – Зотов наклонился вперед, чтобы лучше видеть лицо Барова, скрытое за большими очками.

– На мой взгляд, – полковник Виктор Баров поднес к лицу папку, – психологическая характеристика весьма неоднозначна. Я склонен усомниться в правильности выбора.

– И чем это вызвано?

Генерал Риммин наклонился вперед и с неподдельным интересом уставился в линзы очков полковника Барова. Создалось впечатление, будто Риммин пытается прочесть мысли Барова, а тот не только не старается их утаить, но и с бесхитростной простотой выставляет напоказ. Небольшой, бесцветный на вид полковник пользовался у генерала особым авторите-

том. Более тонкого психолога не было в управлении, и Риммин знал об этом. Именно поэтому замечание Барова об ошибке в выборе генерал принял с настороженным вниманием.

– Итак, – неожиданно громко прозвучал голос Барова в звенящей тишине зала, – интерпретация тестов: организован, терпелив, способен реализовывать долгосрочные проекты, в суждениях объективен, – Баров обвел присутствующих взглядом знатока человеческих судеб. – Далее, высокий интеллектуальный потенциал и работоспособность. Рассудителен, обстоятельства мало влияют на точку зрения и поведение. А теперь между строк: эмоции интенсивны, но тщательно скрыты, чересчур самоуверен, склонен к проявлению садизма.

Риммин со вздохом оперся о спинку кресла.

– И каково, Виктор, твое заключение?

Баров снял очки и отложил в сторону. Без них лицо мгновенно изменилось: стало маленьким, открытым и незнакомым.

– На данный момент присоединяюсь к мнению остальных. Однако рекомендую после завершения операции провести дополнительные психологические тесты.

– Сомневаешься в профпригодности парня? – спросил Щербатов.

– Отнюдь. Но нет полной уверенности в его эмоциональной стабильности.

– Тогда отложим кандидатуру номер два, – нахмурившись, Риммин потянулся к пустой чашке, – и вернемся к обсуждению остальных.

– Считаю это лишним, – полковник надел очки и снова превратился в знакомого и привычного Барова. – Повторюсь, в целом кандидатуру одобряю.

Риммин постучал пальцами по столу.

– Значит, решено, – сказал он. – Внесите в бумаги. Дело «Altera pars».

– «Другая сторона»? – внезапно улыбнулся Зотов, и эта немного сдержанная улыбка мгновенно смягчила его суровое лицо.

– Да. Мы никогда не знаем, что бывает на самом деле, – серьезно ответил генерал Риммин. – Часто предполагаем одно, а происходит другое. Мы видим лишь открытую сторону, а противоположная той, которая в данный момент находится в зоне видимости, может навсегда остаться загадкой.

Все внимательно слушали генерала, но каждый при этом думал, что главным образом название операции сводилось к известной любви Риммина к латыни. Altera pars – поэтично, но несколько высокопарно. Тем не менее все молча согласилось с генералом, посчитав его слова относительно скрытых обстоятельств и темной стороны сложившейся ситуации правдивыми.

* * *

Роман Сафонов пришел на встречу с генералом Римминым ровно в положенное время. Вернее, для генерала он пришел вовремя, но на самом деле прибыл на место несколько раньше, позволив себе понаблюдать за обстановкой, куда его пригласили, и за самим Римминым. Конечно, он предполагал, что генералу будет об этом известно, но все же не смог удержаться от желания детально рассмотреть его, смирно сидящего на скамейке перед небольшим итальянским кафе. Седовласый, загорелый, подтянутый, в изысканном костюме, Риммин походил на престарелого альфонса, который вывел на прогулку своего единственного друга, таксу Рая. Сафонов вспомнил ту веселую сцену с подарком. Генералу на шестидесятилетие отец Романа подарил кобелька по имени Рай, но Валентин Павлович, едва взглянув на пса, объявил, что имя ему не подходит. Он сказал, что у кобеля с сучьей мордой должно быть соответствующее имя. Так пес из Рая превратился в Райку.

Смешной рыжий Райка бегал вокруг своего хозяина, потом запрыгнул на скамью и прижался к бедру. Генерал потрепал его по шее и приказал спрыгнуть на землю. Тот не посмел ослушаться.

– Добрый вечер, Валентин Павлович, – поздоровался Роман, присев рядом.

– Здравствуй, Рома. Слишком уж долго ты меня разглядывал. Нравлюсь, наверное. И как я выгляжу со стороны?

– Как всегда величаво, – Роман улыбнулся и пожал протянутую руку.

Он не удивился тому, что его не пригласили в управление. Внештатные редко были вхожими в эти неприступные стены могущества и тайны. Это не являлось актом недоверия, скорее так еще больше сохранялось инкогнито оперативного офицера, который из всех сотрудников ГРУ общался только с двумя: с генералом Римминым и начальником своего отдела.

– Сначала о личном, – генерал приобнял Романа за плечи. – Как дед, отец с матерью?

– Хорошо. Вы же виделись недавно, отец говорил.

Генерал, соглашаясь, кивнул.

– Знаю, что тебя в Интерполе повысили в должности. И даже премировали. Интересно чем?

– Мелочь. Деньги и отпуск.

– И как отпуск провел?

– Весело. Море, пляж и ром.

– Не слишком уж ты загорел. Красотки от солнца отвлекали?

Роман сделал вид, что смутился, чем рассмешил Риммина.

– Теперь о работе. Вот бумаги по заданию. Фу, Райка! – крикнул Риммин псу, который пристроился рядом с каким-то мужиком, намереваясь его обмочить. – Позор тебе! Роман, – он мгновенно переключился на Сафонова, – мне нужна оперативность. Наш клиент, оказывается, был близким другом... – генерал не называл имя, но Роману и без того стало ясно, – поэтому нас торопят. Зацепок никаких. И это значит, что тебе придется начинать с нуля. Пройти, как говорится, путь от яйца до яблок. Как у римлян.

– Мне знакомо это выражение, – поджал губы Роман.

– Утром читал твое дело, – усмехнулся Риммин, – больше всего повеселило, что в Академии тебя прозвали Челентано.

– Меня и в школе так называли, – ответил Роман. – За любовь к итальянскому языку. И песни я пел так же залихватски, как сам Адриано. Признаться, меня раздражает присущая людям склонность вешать на всех ярлыки.

– Да, – протянул Риммин, – имя подходящее. Говоришь ты так же цветисто, как итальянцы. Поэтому тебя и Челентано прозвали, а могли бы Бельмондо, ты ведь по-французски не хуже изъясняешься. Но, нет! Со стороны лучше видно, кто ты есть на самом деле. А прозвище тебе, Ромка, дали не из-за любви к итальянскому, а из-за темперамента. Меня, например, в управлении Бобром называют. Думают, что я не знаю. Это ведь не зря, мой мальчик, – Риммин поднялся.

– Да, Валентин Павлович, – вслед за Римминым поднялся Роман, – вы можете перегрызть все, что пожелаете. Это в ваших силах.

Он взгляделся в лицо старика, которого знал с детства. Риммин был другом его отца. Именно благодаря ему Роман определился в том, чем желает заниматься. И еще ни разу не пожалел об этом. Валентин Павлович был хорошим другом и наставником. Разумеется, он никогда не помогал Роману Сафонову устраивать карьеру, потому что это противоречило его принципам, но что касается моральной поддержки или совета, то здесь он всегда был рядом. Порой Роману казалось, что генерал Риммин был ему ближе, чем отец. Он проявлял особый интерес и заботу и вел себя с Романом намного мягче, нежели Кирилл Сафонов. Роман не обижался на отца за строгость, но иногда ему хотелось, чтобы он был менее требовательным.

Роман посмотрел на седые волосы генерала Риммина, перевел взгляд на выцветшие голубые глаза, кожу с тонкими красными прожилками и усмехнулся, заметив, что старик разглядывает его не менее пристально.

- Вылитый отец, – Риммин хлопнул Романа по плечу.
- Мама обиделась бы. Она так не считает.
- В одном вы с отцом отличаетесь: тот примерный семьянин, а ты – приличный гуляка.
- Валентин Павлович!
- Ну-ну, не обижайся. Фамильярности я позволяю себе на правах друга.

Генерал тихо свистнул, и Райка немедленно подбежал к нему. Он подхватил пса на руки, тот сразу же облизал ему лицо. Генерал сморщился.

– Невоспитанная псина, – с любовью произнес он. – В общем, Роман, работай. В средствах себя не сдерживай, мы уже перевели необходимую сумму на твой счет. В помощники бери кого пожелаешь, но помни: светиться в этом деле не стоит. Впрочем, не мне тебя учить. Мне главное, чтобы результат устроил всех.

* * *

Вечером Роман изучал дело Андрея Дагомирова. Он до сих пор удивлялся тому, насколько быстро оперативники добывали нужные сведения. В бумагах была детально изложена биография русского бизнесмена. Роману вдруг подумалось, что сам Дагомиров не смог бы настолько точно описать свою жизнь, как сделали те невидимые наблюдатели, которые собрали это досье. Роман протер глаза и лег на кровать. Он не мог понять, с чего следует начать. Генерал был прав, зацепок нет. Но это только на первый взгляд. Как ни крути, всегда есть нечто тайное, что не отражается в отчетах.

Криминалисты не обнаружили на месте крушения ничего существенного. Однако выяснили, что взрыв произошел не по техническим причинам. Самолет был новым и прошел все необходимые проверки. Романа насторожил тот факт, что накануне в «Гольфстрим» была установлена специальная авиационная модель спутникового телефона. Почему именно перед самым крушением? Конечно, это могло быть всего лишь совпадением, но Роман решил начать именно с этого. Ну и естественно, следует проверить семью Дагомирова, а именно его бывшую жену. Не исключено, что оскорбленная женщина решила избавиться от своего блудливого, пусть и бывшего, муженька и сделала это особо жестоким способом, уничтожив вместе с ним и его любовницу. Наследником огромного состояния стал их общий ребенок. Так что эта дама несколько не проиграла в смерти мужа, наоборот, даже выиграла. Да, будет до смешного обидно и просто, если Дагомирова заказала жена.

Роман посмотрел на свою измятую постель. Хорошо, что он не женат. Сначала женщины заряжают собой пространство, а когда чувства к ним уходят, жестоко мстят. Есть и такие, которые жизни лишают. Роман усмехнулся. Хотя, как можно оставить женщину, которая делает твою жизнь яркой, наполняет ее нежностью и любовью? Жаль, что подобные еще не встречались на его пути. Может, генерал прав и он слишком легкомысленно относится к своим партнершам, но среди них не находилось той, с которой он хотел бы связать свою жизнь. А быть рядом с кем-то только потому, что так принято в обществе, ему не хотелось. Роман не испытывал потребности в удобной подруге жизни. Его холостяцкая жизнь приносила лишь удовольствия, и менять что-либо он не собирался.

Глава 6

Леона лежала на кровати, подмяв под себя легкое одеяло. Она выглядела задумчивой и спокойной. Теперь она сильно отличалась от той ненасытной особы, которая еще несколько минут назад сгорала от страсти в руках своего мужа. Дарио дотронулся кончиками пальцев до обнаженных плеч и, легко надавливая, провел по спине. Леона недовольно пошевелилась и отодвинулась в сторону.

– Я устала, – прошептала она.

Дарио нахмурился. Впервые жена отказала ему в продолжении. Раньше она сама выводила его на второй раунд, а теперь лежит в постели, как ленивая кошка, и прячет лицо в подушку.

– Кто же тебя утомил, любовь моя? – спросил он, целуя ее в шею. – Ты так поздно вернулась домой, что я уже начал волноваться. Хорошо провела время?

Леона медленно повернулась к нему. Взгляд был спокойным, но грудь учащенно вздымалась, словно она пыталась справиться с охватившим ее раздражением. А может, с испугом? Дарио не мог понять, какие чувства она испытывает в данный момент. То, что она была взволнована, не подлежало сомнению. Но чем вызвано это волнение? Дарио пристально взгляделся в лицо жены. Вдруг он понял, что Леона не испытывает страха, лишь возмущение светится в глазах, делая ее еще более красивой. Но потом она вдруг улыбнулась, толкнула Дарио в плечо и быстро поднялась с постели.

– До чего же ты докатился, синьор Аскари, – со смехом произнесла она и выгнула спину, заметив, как заблестели глаза Дарио при виде ее обнаженной фигуры. – Ревнуешь? Да еще к своему сыну.

– Я ни слова не сказал об Алессандро.

– И не нужно было, – Леона потянула на себя одеяло и прикрыла грудь. – Все и так понятно. Разве ты не получил доказательства того, что у нас с твоим сыном ничего нет?

Дарио вспомнил о фото, которые Чезаре принес ему вчера вечером. На них были Алессандро и его новая подруга, очень похожая на Леону. Девушка была так же стройна и изящна, со светлыми волосами и нежным ртом. Но глаза у нее были темными, и улыбалась она по-другому, не так мягко и в то же время игриво, как это делала Леона. Так улыбаться, как она, не умел никто. Дарио тогда с облегчением вздохнул, увидев, что его сын проводит время с другой женщиной. Однако его насторожило их физическое сходство. В голове появились мысли о том, что Алессандро старательно ищет себе замену той, которой у него не хватает смелости обладать.

– Кто рассказал тебе о фото? – спросил он и потянул на себя одеяло, в которое завернулась Леона.

– Сама видела, – Леона упала ему на грудь. – У тебя на столе, когда приносила кофе в кабинет. Лимит доверия исчерпан?

– Ты дала повод к подозрениям, – Дарио быстро повернулся, увлекая за собой Леону, и навис над ней. – Я боюсь, что ты в скором времени поменяешь своего немолодого мужа на какого-нибудь неутомимого юнца.

Он почти касался ее губ и больше всего хотел поцеловать, но сдерживался, желая услышать, что она скажет ему в ответ. Глаза ее смеялись, но внезапно Дарио почувствовал, что веселье напускное. Он отстранился, но Леона обхватила его бедра ногами и с силой притянула к себе. Она учащенно дышала, однако продолжала молчать, хотя знала, что Дарио ждет ответа. Это был странный поединок, в котором один требовал слов любви, а второй упорно молчал. Первым сдался Дарио. Он схватил Леону за шею и приподнял с подушки. С легким стоном она коснулась его губ и откинула голову назад, подставляя шею для поцелуев. В ней ощущалась

какая-то ярость, даже жестокость, словно она в последний раз хотела насладиться страстью перед тем, как убить или быть убитой самой. Дарио с жаром отвечал на ее поцелуи, но думал о том, что еще никогда так не боялся умереть, как в ту минуту, когда держал Леону в своих объятиях.

– Когда ты перестала меня любить? – спросил он, покрывая мелкими поцелуями влажные щеки Леоны.

Она едва слышно вздохнула и закрыла глаза.

– Не мучай меня глупыми вопросами. Ты же знаешь, что я люблю тебя. Иначе не лежала бы рядом и давно ушла бы, потому что в браке без любви нет смысла.

– Лео, – Дарио дотронулся рукой до ее подбородка, заставляя открыть глаза.

– Что, дорогой? – в голосе послышалось легкое волнение.

– Проведи сегодняшний вечер со мной, – попросил он. – Отпусти Ильду. Я тоже отложу все дела. Давай поедем к морю, на виллу. Проведем ночь одни, только ты и я. Никакой охраны, Себастьяно и твоего пса Цербера.

– У пса есть имя, – улыбнулась Леона. – Табо – мой щит. Не стоит упрекать его в том, в чем ему нет равных. Он для меня и охрана, и друг.

– Так, может, это к Табо мне следует тебя ревновать?

Леона перекатилась на край кровати и рассмеялась, но тут же серьезно произнесла:

– Да, Табо самый красивый мужчина из тех, с кем я знакома. Если и ревновать к кому-то, то только к нему, – она направилась в ванную. – Однако, к сожалению, я не в его вкусе.

– И слава богу! – воскликнул Дарио и упал на подушки.

Шум льющейся воды не смог скрыть смех Леоны. На душе стало легко, и Дарио отбросил прочь все подозрения относительно неверности жены. Он отчетливо понял, что эта женщина не станет ему изменять. Если она решит сделать это, то сначала порвет с ним, потому что превыше всего ценит честность в отношениях.

Дарио поднялся, накинул на себя халат и вышел из комнаты. Сегодня в особняке было тихо, Алессандро остался в Риме у своей подружки, Мауро с женой и сыном уехали в Милан, поэтому Дарио позволил себе ходить по дому в столь фривольном наряде. В присутствии домочадцев он всегда одевался подобающим образом, никто не видел его в нижнем белье и с голыми ногами. Всегда элегантный, со вкусом одетый, сейчас он испытывал необычайную радость оттого, что ступает по прохладным плитам гостиной босыми ногами и что под тонкой материей халата ничего нет. Кожа все еще хранила запах Леоны, и Дарио улыбался, чувствуя на себе ее аромат.

В кабинете он первым делом подошел к столу и достал из верхнего ящика фото, которые ему принес Чезаре. Еще раз посмотрев на смеющегося сына, обнимающего светловолосую женщину, он выбросил снимки в урну для бумаг. Затем сел в кресло и бросил взгляд на портрет Леоны, висевший на стене. Он был сделан в первую годовщину их брака. Через три месяца исполнится ровно четыре года, как они женаты. Дарио задумался над тем, какой подарок преподнести жене. Над этим придется поломать голову, потому что традиционными презентами ее не удивишь и не обрадуешь. Он подумал о том, как сильно Леона отличается от трех его предыдущих жен. Эта мысль заставила улыбнуться. Давно он уже не вспоминал о прошлых браках, а сейчас почему-то захотелось детально воспроизвести свою жизнь.

Дарио налил виски и снова сел в кресло. В дверь постучали. Это был Чезаре, который спросил, есть ли у босса какие-либо поручения, и сообщил, что Себастьяно уже выехал из Рима и в скором времени будет в поместье.

– Чезаре, закажи для синьоры Леоны ее любимые розы.

– Сделаю, – улыбнулся Чезаре. – Синьор Дарио, почему вы не прикажете садовнику, чтобы он выращивал желтые розы в оранжерее? Там же столько цветов, одним кустом больше, одним меньше.

– Много ты понимаешь в цветоводстве, – Дарио устало потер глаза. – Лучше займись моей просьбой.

– Сначала я принесу вам кофе.

Дарио посмотрел в его наглое лицо и хмыкнул. Чезаре знал, что синьор Аскари относится к нему более чем благожелательно, поэтому и позволял себе некоторую бесцеремонность, а также отсутствие стеснительности. Но вместе с тем он всегда отдавал себе отчет в том, что разговаривает с хозяином. И даже когда Чезаре говорил непристойности, тон его голоса оставался уважительным, а лицо выражало глубокую признательность за то, что он живет и работает рядом с человеком, которым безгранично восхищается.

«Славный малый», – подумал Дарио, разглядывая парня. Высокий, атлетически сложенный, с мягкими чертами лица и светлыми улыбающимися глазами, он вызывал приятные ощущения. Однако за всем этим мягким фасадом прятался жесткий характер, хитрый и изворотливый ум, а также полное отсутствие понятий морали и жалости. На данный момент Чезаре был хорошим исполнителем, и Дарио видел в нем большой потенциал. Вполне возможно, что через некоторое время Чезаре заменит Себастьяно. Недаром тот его так натаскивает, видимо, готовит в преемники. В последнее время парень все чаще стал принимать участие в общих делах, разговорах, и это радовало Дарио. Ему нравилось, что рядом находится сильный и умный мужчина, на которого можно положиться. Именно такого сына хотел иметь Дарио: сильного, азартного и разумного в своих действиях. Его родные сыновья Мауро и Алессандро не отвечали представлениям о том, какими должны быть наследники огромной империи.

Дарио дождался, когда Чезаре принесет кофе, и снова окунулся в воспоминания. Он воскресил в памяти лицо Терезы, матери Мауро. Ей было восемнадцать, когда они стали супругами, и она была беременна. Юная, спокойная девочка с холодными голубыми глазами – именно такой запомнил ее Дарио. Тереза умерла через год после рождения сына. Внезапно развившийся рак принес быструю, но мучительную смерть. У них даже не было времени, чтобы попытаться бороться с болезнью, потому что когда рак обнаружили, стало уже поздно что-либо делать. Дарио плохо помнил те годы, когда остался один с годовалым сыном. Ему было отчаянно жаль Терезу, и он страдал от одиночества. Страстный и горячий характер требовал любви. Дарио стыдился своей чувственности, скрывая ее от окружающих за маской скорби и печали. Он стал часто выпивать, чем приводил в бешенство своего лучшего друга Себастьяно Корти. Именно Себастьяно вывел его из длительного запоя, представив очаровательной Катерине, которая, быстро оценив обстановку и догадавшись, что Дарио нуждается в женском внимании, не стала затягивать период ухаживаний и уже на второй день знакомства оказалась в его постели. Спустя пять месяцев он надел обручальное кольцо ей на палец, обещав перед всем миром любить и уважать до конца жизни, а еще через полгода завел первую из многих последующих за ней любовницу. Катерина родила Алессандро, маленькую копию Дарио. Каждый, кто видел мальчика, замечал его поразительное сходство с отцом. Шумный и дерзкий, он сильно отличался от своего старшего брата. Мауро был похож на мать как внешне, так и характером. Невысокий и стройный, с такими же холодными глазами и не менее холодной душой, он избегал веселого и темпераментного Алессандро. Дарио удручало, что братья не близки между собой, и винил в этом себя, потому что не научил их любить друг друга.

Момент рождения Алессандро стал поворотным в жизни Дарио. В то время он занялся производством пластика и открыл собственный завод. Семье внимания почти не уделял, полностью занявшись бизнесом. Тогда он считал, что главным является финансовая обеспеченность, и работал на износ для того, чтобы обеспечить достойную жизнь своим сыновьям, но главным образом потому, что деньги давали ощущение свободы. А свобода – это единственное, что он любил в своей жизни больше, чем женщин. Свобода и женщины – две самые большие страсти, одновременно обладать которыми можно лишь при наличии больших денег. Так считал Дарио, со страстью и азартом строя свою бизнес-империю.

Катерина свыклась с его постоянным отсутствием, принимала многочисленные измены с покорностью, никогда не устраивала скандалов и не угрожала разорвать отношения. После длительных выматывающих любовных загулов Дарио всегда возвращался к своей нежной и нетребовательной жене, одаривал ее подарками и вниманием. Две недели спокойствия рядом с ней и сыновьями, и вот он снова, свежий и отдохнувший, окунался в привычную жизнь, наполненную работой, развлечениями и женщинами. У него было много любовниц, он был щедр и внимателен с ними, несмотря на то, что с легкостью оставлял предыдущую, желая познать вкус любви со следующей.

Когда Алессандро исполнилось девять, Катерина погибла, катаясь на водных лыжах. Дарио был ошеломлен этой нелепой смертью, но еще больше его удручал тот факт, что он во второй раз стал вдовцом. Дважды женат, дважды вдовец. Чудовищная усмешка судьбы. Потеряв жену во второй раз, Дарио не стал прикладываться к бутылке. Также он стал спокойнее в отношениях с женщинами. Он начал больше времени проводить с сыновьями, пытаясь хоть как-то компенсировать то время, когда почти не виделся с ними. Однако вскоре понял, что утерянного не вернуть. И как бы Дарио ни старался стать ближе своим мальчикам, ему это не удавалось. Мауро поражал сдержанностью и холодностью характера, Алессандро, наоборот, раздражал неуправляемостью и энергичностью. Старший сын рос вялым и бездеятельным, младший слишком живым и пылким.

В третий раз Дарио женился, когда ему исполнилось сорок семь. На этот раз его избранницей стала известная итальянская актриса Патриция Джордано. Капризная красавица, она быстро привлекла его внимание, но так же быстро он охладил к ней. Когда каждый день любишь женщину, которой восхищается вся страна, когда видишь ее по утрам ненакрашенную или пьяную после окончания очередных съемок, когда знаешь, о чем она думает, чем дышит, и не видишь в ее мыслях ничего привлекательного, начинаешь недоумевать, отчего столько мужчин желают оказаться в ее постели. Патриция была на двадцать лет моложе Дарио, хороша собой и несносна в своих претензиях. Она ревновала его к любой женщине, оказавшейся в радиусе десяти метров, устраивала скандалы на людях, совершенно не стеснялась показывать свое дурное воспитание и не заботилась о том, в какое положение ставит самого Дарио. Она была единственной женщиной, на которую он поднял руку. Бил он ее часто, но так, чтобы следы побоев не замечала общественность. Все-таки Патриция была актрисой, ее часто снимали фотографии, и разговоры о том, что известный промышленник Дарио Аскарри поколачивает жену, были ему не нужны. Шесть лет брака с ней показались утомительными и лишенными разнообразия. Это были годы скандалов, выпивки, постоянных измен и разочарования. Но главным минусом стала скука.

Спасаясь от этого гадкого чувства, Дарио улетел в Аргентину. Патриция осталась в Италии. Она была занята в каком-то телевизионном проекте, и это дало Дарио возможность спокойно заняться делами компании, не отвлекаясь на ее дикую ревность. В Буэнос-Айресе он познакомился с Леоной. Сначала он ее не увидел, а услышал. Дарио пил утренний кофе в своем любимом кафе, наслаждаясь солнцем и тишиной. Он обернулся, стараясь рассмотреть обладательницу столь счастливого и мелодичного смеха. За соседним столиком сидела светловолосая девушка с нежными голубыми глазами и задорно смеялась над шутками своего спутника. Тогда Дарио удивился, впервые увидев столь красивого молодого человека. Обычно он не обращал внимания на мужчин, но здесь невозможно было пройти мимо или отвести взгляд, не задержавшись на его лице. Тонкий нос, гладкая кофейная кожа и шоколадные глаза. Дарио усмехнулся тому, с какой жадностью посетительницы кафе рассматривали мужчину. Сам же он не мог оторваться от его спутницы. Чем она привлекла его, Дарио не мог сказать. Красива, безусловно. Но в его жизни было много красавиц, и удивляться очередному симпатичному лицу он не стал бы. Характера ее он еще не знал, чтобы быть заинтересованным в общении. И все же Леола показалась ему интересной.

Она часто приходила в кафе со своим другом Табо, тем самым красавцем, который производил неизгладимое впечатление на женщин, иногда ее сопровождала высокая и черноволосая Ильда. Поначалу Дарио не понимал, почему она не замечает его, но вскоре догадался, что главной причиной тому является возраст. Ему исполнилось пятьдесят три, а Леоне двадцать семь, и эта молодая женщина видела в нем старика, который легко мог быть ее отцом. Себастьяно тогда громко смеялся, заявив, что наконец-то нашлась особа, которая не приняла ухаживания известного престарелого сердцееда. Эти насмешки задевали Дарио, и он со свойственной ему горячностью стал добиваться расположения строптивой девчонки. Как говорил Себастьяно, нужно хорошо изучить жертву, прежде чем нанести удар: что она любит, а что – нет, когда, с кем и где проводит свое время, какие у нее цели и увлечения. В общем, все, что может раскрыть ее характер. Дарио знал, что Леона работает в турагентстве, любит кофе с молоком и желтые розы, снимает со своей подругой Ильдой большую квартиру и то, что у нее масса поклонников. Ее родители жили в богатом пригороде Буэнос-Айреса, владели несколькими магазинами, где продавали бытовую технику, лучшим другом был Табо, спокойный и умный парнишка, заканчивающий на тот момент университет. Леона была дамой, не знающей стеснения в средствах и поэтому равнодушная к подаркам со стороны. Все, что она хотела, покупала сама и при этом не зависела от мужчин. Ей не требовалась роскошь, она и так в ней купалась, потому что состоятельные родители ни в чем не отказывали единственному ребенку.

Так Дарио Аскарри – бизнес-магнат, владелец компании, включающей в себя банки, строительные организации, недвижимость, производство пластика и цемента, спутниковое телевидение, отели, городской транспорт, предприятия энергетической и сталелитейной промышленности, порты и доставку грузов, столкнулся с неразрешимой для него проблемой. Он был влюблен, глубоко и страстно, но не мог получить объект своего обожания.

Каждый день он посылал Леоне желтые розы, вкладывая записку с просьбой о встрече, и каждый раз она отказывала. Тогда он решил разорить ее родителей, но Себастьяно остановил его от этого необдуманного шага, сказав, что узнай Леона о том, что он намеревается совершить, проникнется ненавистью и станет еще недоступней. В очередной раз послав ей розы, Дарио неожиданно для себя получил подарок. Леона согласилась на встречу. За ужином она сказала, что не намерена иметь отношения с женатым мужчиной, и через три месяца Дарио развелся. А еще через три в четвертый раз женился. Его развод был признан событием года, а женитьба на женщине вдвое моложе себя – плевком в лицо высокоморальных членов общества, осуждающих горячность, наглость и непостоянство престарелых богатеев. Газеты еще год вспоминали его предыдущие браки, называли «черным вдовцом» и ловеласом, которому впору нянчить внуков, а не кувыркаться в постели с юной танцовщицей. Неизвестно почему, но все считали, что с Леоней он познакомился в клубе, где она танцевала для посетителей. Дарио знал, что над ним смеются, говоря, что он сделал неудачный обмен – поменял актрису на стриптизершу, но его это мало волновало. Впервые в жизни он любил и впервые боялся потерять.

Через четыре года брака его чувства не утратили новизны. Дарио никто не был нужен, кроме Леоны, ни одна женщина не привлекала его так, как жена. Легкая в общении, всегда улыбающаяся, увлекательная в разговоре, страстная любовница, она каждый день влюбляла его в себя еще больше. Леоне был безразличен тот факт, что общество, в котором вращался Дарио, не приняло ее. Вернее, пренебрежение выказывали лишь женщины, считая аргентинскую танцовщицу не ровней себе. Женщины часто бывают злыми по отношению к себе подобным. Они в каждой видят соперницу и пытаются уничтожить, в особенности, если объектом издевок выступает молодая, красивая и интересная во всех смыслах особа. Но Леона умела жить, не обращая внимания на их яд. Это многих приводило в ярость, потому что нет ничего хуже для самолюбия, чем пытаться устранить противника, недостижимого в своем величии. Дарио видел, как жены его компаньонов морщат носы, стоит Леоне оказаться рядом, игнори-

ругают или пытаются уколоть едким словом. Мужчины же, наоборот, обожали его красавицу жену. И каждый раз, видя, как Леона улыбается какому-нибудь молодому красавцу, Дарио боялся своего возраста. Он отчаянно не желал стареть и делал все, чтобы сохранить хорошую физическую форму. Ежедневные занятия спортом, постоянный контроль веса, пластические операции, салоны красоты – все это делалось ради одного, чтобы жена находила его соблазнительным и не искала общения на стороне.

Дарио подошел к зеркалу и сбросил халат, пристально рассматривая фигуру. Несмотря на то, что ему исполнилось пятьдесят семь, выглядел он весьма неплохо. Более того, глядя на этого подтянутого привлекательного мужчину, трудно было представить, что ему скоро исполнится шестьдесят. Высокий, моложавый на вид, с блестящими черными глазами и смуглой кожей, он знал себе цену, не раз ловя восхищение в глазах женщин. Однако единственное, что ему хотелось в такие моменты, это то, чтобы Леона так же смотрела на него. И чтобы она любила его так же, как и он ее. Дарио напряг руки, придирчиво рассматривая бицепсы, перевел взгляд на плоский живот и повернулся к зеркалу спиной, оценивая ягодичы. «Плаванием стану заниматься каждый день», – решил он и, подойдя близко к зеркалу, всмотрелся в лицо. Если фигура его по всем физическим показателям могла принадлежать молодому парню, то лицо скоро начнет выдавать возраст. Тонкая сухая кожа, первый признак того, что на ней в ближайшее время появится сетка противных морщинок. Уголки губ предательски опущены вниз, а взгляд кажется тяжелым, как у старика.

– Возмнил себя Аполлоном? – послышался едкий смешок.

Дарио обернулся и увидел стоящего на пороге Себастьяно.

– Извини за то, что без стука, – добавил Себастьяно, наблюдая, как Дарио медленно натягивает на себя халат и садится в кресло. – Новый приступ паранойи?

– С чего ты взял?

– Рассматриваешь свои прелести, как неудовлетворенная внешностью красотка, – Себастьяно направился к дивану. – Что бы ты ни предпринял, Дарио, все равно не станешь ровесником Леоны.

– Я и не стремлюсь.

– О, да! Какого хрена ты тогда себе в задницу смотрел? – рассмеялся Себастьяно и с нарочитым безразличием поправил седые волосы.

Дарио улыбнулся. Себастьяно достал из кармана пиджака новенькую, упакованную в тонкий целлофан сигару и задумчиво повертел в руке. Затем ловко развернул ее, помогая себе здоровой рукой и зубами, и вдохнул крепкий аромат.

Дарио заметил, что Себастьяно выглядит усталым. Это огорчило его. Значит, боль в руке совсем не дает покоя, поэтому друг раздражен и резок. Впрочем, отсутствие половины руки было лишь смутным оправданием его неделикатного поведения. Себастьяно всегда отличался резкостью в высказываниях, хмурым взглядом и отсутствием вежливости. Таким он стал еще в детстве. Слова относительно неизменчивости людских характеров полностью оправдывались, стоило Дарио вспомнить все те годы, которые они провели вместе. Жесткий, недоверчивый, ядовитый – это была точная характеристика Себастьяно Корти, его лучшего друга и компаньона. Больше ничего не нужно было добавлять, потому что эти черты давали полную картину внутреннего мира человека, который сидел перед ним. Высоченный, худой, с неизменными усами над губой и аккуратно подстриженными белыми волосами, с мохнатыми бровями, которые небрежно нависали над небольшими зеленоватыми глазами, – это были завершающие штрихи к портрету самого страшного в своей жестокости из людей, которых знал Дарио. За все сорок с лишним лет их дружбы он ни на грамм не изменился, через всю жизнь пронес с собой юношескую категоричность и заносчивость. Себастьяно так и не обзавелся семьей, единственной его привязанностью, кроме самого Дарио, был Алессандро. К нему он относился с необы-

чайной нежностью. И порой в глазах этого сурового человека читалась любовь, в особенности в те минуты, когда ему приходилось отчитывать непутевого и разгульного мальчишку.

– Не сверли меня взглядом, – Себастьяно выдохнул из себя клуб дыма.

Дарио очнулся от мыслей.

– Леона была права. Ты – бес, – улыбнулся он.

– А ты чересчур спокоен для человека, который должен придумывать сотни ходов, чтобы обезопасить себя, – сказал Себастьяно, рассматривая дым, летающий по комнате. – Удивлен? Значит, ничего не знаешь о произошедшем. Отрывайся иногда от своей женушки и следи за новостями. Трое из твоих партнеров по бизнесу убиты. Имму взорвали в машине, принца Афдала застрелили в его замке, а Дагомирова похоронили прямо в самолете, опустив в воды океана.

Дарио приподнялся в кресле.

– Когда?

– Все убиты в последние сутки, – Себастьяно потрогал брови и потер глаза. – Посмотри какой-нибудь из выпусков новостей, там только об этом говорят.

Дарио включил телевизор. Несколько минут он напряженно вслушивался в репортаж, затем повернулся к Себастьяно.

– Вас убивают, – хмыкнул тот. – Весь «альянс».

– Что за глупое слово, – передернул плечами Дарио.

Себастьяно никак не отреагировал на это замечание. Он подошел к столику с напитками и налил себе виски.

– Насколько я понимаю, это только первая партия, – сказал он, сделав глоток.

Дарио пораженно уставился на спокойного Себастьяно.

– Кто-то устроил охоту. Причем весьма успешную, – продолжал Себастьяно. – Судя по всему, это опасные противники. Явные профессионалы, потому что работают быстро и чисто. К Имме, принцу и Дагомирову очень сложно подступиться. У них же получилось легко. Принца застрелили в бассейне, в самом сердце его крепости. Имма и Дагомиров также находились под пристальной охраной. Но это не стало для убийц помехой. Такое возможно только при тщательной подготовке, соответствующем оснащении и, самое главное, при наличии отличных бойцовских навыков. Качественная работа, – заключил он.

– О чем ты говоришь? Ты думаешь...

– Я не думаю, я уверен. Советую насторожиться и принять меры по безопасности. Необходимо узнать, кто открыл сезон сафари. Думаю, причина этого тебе известна. Мне же интересно, почему именно сейчас?

– Черт! – выругался Дарио. – Мы же уничтожили все следы.

– Значит, где-то просчитались. Либо устраняют вас по другому поводу.

– Нас объединяло только одно дело, – прокашлялся Дарио и забрал из рук Себастьяно стакан виски, одним глотком выпив содержимое. – Если бы причина была в другом, то уничтожили бы кого-нибудь конкретно, а не всех сразу. Поэтому бизнес здесь ни при чем.

– Вот именно, – жестко блеснули глаза Себастьяно. – Это говорит о том, что мы что-то упустили. Или кого-то.

Глава 7

Мало кто догадывается о том, что понятия «агент Интерпола» не существует. Это такое же клише, как и приставка два ноля у агентов МИ-6. И Джеймсов Бондов в своем штате интернациональная полиция не держит. Никакими особыми преимуществами сотрудники Интерпола не пользуются, не обладают неограниченными полномочиями, подобный маскарад существует лишь в воображении людей, чувствительных к шпионским историям. Ни один сотрудник не бежит с пистолетом по миру в погонях за международными преступниками, не носит бляхи и жетоны с гербом Интерпола, демонстрируя свое величие над другими службами. Скорее это скромный работник, прерогативой которого является информация. Вот в этом вопросе власть сотрудника Интерпола поистине безгранична, потому что ни одна организация, за исключением разведывательных управлений некоторых стран, не обладает такой информационной базой, подкреплённой высокими техническими возможностями. Сотрудник Интерпола – это полицейский информации, специалист-аналитик без положенных обычному полицейскому функций. Он не заламывает руки преступникам, не сидит в засаде, не устраивает допросы, лишь обрабатывает оперативные данные, заносит их в картотеку и имеет офицерское звание, как подтверждение значимости той работы, которую продельывает. К канцелярским делам, а это именно то, чем занимается офицерский корпус, в некоторых кругах относятся с легким пренебрежением, однако это не мешает тем же самым кругам пользоваться результатами деятельности компьютерных крыс и архивных молей.

Когда Роман получил приглашение от организации вступить в ее ряды, он был несколько озадачен, потому что видел свою карьеру в ином свете, и его мечты не ограничивались сбором информации по вопросам борьбы с организованной преступностью. Однако по рекомендации генерала Риммина согласился получить звание сотрудника. Прекрасный лингвист и опытный аналитик, он был на хорошем счету в генеральном штабе организации и в данный момент являлся личным помощником одного из советников. Подчинялся Роман руководителю Национального центрального бюро, однако в Москве бывал редко, и его официальным местом работы считался Лион. Впрочем, и там его видели не часто. Так как основной задачей Романа в качестве сотрудника являлось пополнение картотеки, то ему нередко приходилось совершать поездки в разные уголки мира в поисках информации о международных преступниках. Возможность путешествовать, к тому же за чужой счет, была прекрасным бонусом к той спокойной и несколько скучной деятельности, которую приходилось выполнять.

Роман Сафонов был обычным, ничем не выделяющимся среди других специалистов в своей области. Единственное, что его отличало, – это высокий уровень коммуникабельности, способность к четкой организации рабочего процесса и умение быть необходимым своему начальству именно тогда, когда требовалась помощь. Уравновешенный, лояльный и исполнительный. Без явных лидерских качеств, дисциплинированный и надежный – такова была характеристика офицера Сафонова. Каждый раз, когда Роман просматривал свое личное дело, он хвалил себя за прекрасные актерские способности. И все же врожденный перфекционизм неприятно покалывал внутри. В такие минуты Роману было стыдно за то, что он не отдается своей работе полностью, отведя ей наименьшую часть своей профессиональной жизни. Однако ровность карьеры в Интерполе и умение быть неприметным являлись важными условиями и необходимыми прикрытиями его настоящей деятельности. Как говорил генерал Риммин, толпа не умеет хранить секреты, поэтому служба Романа в ГРУ, равно как и других внештатных агентов, была абсолютно засекреченной. Личные контакты с Римминым и человеком, который курировал деятельность подполковника Сафонова, были сведены к минимуму и проходили в условиях повышенной маскировки. Конечно, с генералом Роман имел возможность встре-

чаться чаще, чем этого требовали обстоятельства, но происходило это исключительно по причине дружбы семейств Сафоновых и Римминых.

Единственное, что иногда удручало Романа, – это невозможность рассказать отцу о том, кем он является на самом деле. Кирилл Сафонов уже давно поставил крест на своем единственном сыне, как на продолжателе дела, которому посвятили жизнь он сам, его отец и дед. Прадед Романа – Федор Сафонов был одним из основателей ГРУ. Его дед и отец занимали и ныне занимают высокие военные должности. Им тяжело пришлось, зарабатывая собственные репутации, и часто к ним относились более чем предвзято. Дед находился в тени прадеда, а отец Романа в тени своего отца. Лишь сила характера, кропотливый труд и безоговорочная преданность своему делу позволили обоим выделиться и занять собственную нишу в разведывательном управлении. Риммин также не избежал предубеждений, связанных с принадлежностью к «генеральским» сынкам. Это была большая мозоль Валентина Павловича, так как он приходился сыном известному в узких кругах разведчику и постоянно сталкивался с тем, что на него смотрели сквозь призму достижений отца. И он, несомненно, превзошел бы его, если бы не навязчивое желание доказать всем, что является лучшим. Недаром в разведке горячность считается самым плохим качеством. Это помешало Риммину в карьере агента, но помогло заслужить должность начальника управления.

Порой Роман замечал, что отец глядит на него с плохо скрываемым пренебрежением из-за работы в Интерполе, но ничего не мог сделать, чтобы изменить мнение о себе. Он уже свыкся с тем, что останется для генерал-полковника Сафонова генетической ошибкой рода Сафоновых, который, кроме кабинетной работы в штаб-квартире, ни на что не способен. «Зато у меня нет необходимости стоять в очередях в аэропортах, – высказывался про себя Роман. – Пропускают без всякого досмотра, стоит показать ксиву. И у меня есть судебно-процессуальный иммунитет». Он часто вел внутренние диалоги с отцом, который был для него и авторитетом, и неизменным советчиком. Тот отец, живущий в его мыслях, который напутствовал, хвалил и радовался успехам, существенно отличался от настоящего. Придуманный Кирилл Сафонов был мягким, добрым и снисходительным. Реальный – суровым, мрачным и разочарованным.

Единственный, кто поддерживал Романа, был Валентин Павлович Риммин – наставник и друг. По сути, он и являлся тем отцом, с которым Роман разговаривал внутри себя. Осознав это, Роман наконец освободился от влияния Кирилла Сафонова. Больше он не нуждался в одобрении отца, и его лишенное уважения и внимания отношение уже не имело никакого значения.

* * *

Находясь в Лондоне по делам, Роман всегда останавливался в «Le Meridien». Любовь к комфорту не позволяла ему выбирать отель невысокого качества. «Le Meridien» отвечал всем его требованиям, да и стоимость проживания в нем говорила о достойном уровне обслуживания. Кроме того, отель находился в центре Вест-Энда, из него пешком можно было добраться до площади Пикадилли, квартала Сохо. Да и Бонд-стрит, Ковент-Гарден, а также другие не менее известные места района располагались практически рядом. Роману не очень нравился Лондон, однако Вест-Энд он любил. В этом месте, в котором традиционный английский стиль гармонично сочетался с современной роскошью, он чувствовал себя как дома. А дом его находился там, где было хорошо, где душа наполнилась покоем и удовлетворением.

В ресторане отеля, наслаждаясь послеобеденным чаем и пирожными, Роман долго не мог оторвать взгляд от вида на город. Однако теплая погода, приятная атмосфера и спокойная трапеза не мешали ему обдумывать план того, ради чего он собственно и прилетел в Лондон. На утро у него была назначена встреча с Натальей Дагомировой, также он намеревался посетить компанию, которая обслуживала самолет ее бывшего мужа. Романа интересовал спутни-

ковый телефон, установленный в «Гольфстрим» накануне. Разговаривая с вдовой Дагомирова и специалистами, отвечающими за техническое обслуживание самолета, Роман представлялся сотрудником Интерпола. Здесь он решил не лукавить, потому что название организации, на которую он работал, производило на людей магический эффект, вне зависимости от того, в какой стране они проживали. Ни Наталья Дагомирова, ни ребята из «Air-group London» не посмели отказать в сотрудничестве. Конечно, действовать в столь секретном задании от имени Интерпола было достаточно рискованно, однако Роман посчитал это необходимым. Он уже приготовил бумаги, подтверждающие легитимность его действий, на случай если начальству придет в голову устроить ему проверку.

Сейчас, сидя в ресторане, Роман обдумывал предстоящие беседы. Он всегда выстраивал в голове ход разговора, рисовал общую картину своего поведения, выражения лица и тона голоса. Эта подготовка не раз помогала ему: проигрывая то, что должно произойти, Роман расставлял акценты и мысленно вживался в роль человека, которого намеривался представить публике.

– Доброе утро, господин Сафонов.

Роман усмехнулся и повернулся к женщине, остановившейся у его столика. Эта дама всегда говорила «доброе утро» при встрече. Ей нравилась подобная форма приветствия, и она использовала ее, не обращая внимания на время суток.

– Уже почти вечер, – сказал Роман.

– Неважно! Главное, чтобы он был добрым.

Не спрашивая разрешения, женщина присела напротив и протянула руку. Роман поцеловал теплые пальцы, незаметно для дамы потянув ноздрями легкий аромат духов.

– Доброе утро, мадам Матуа, – улыбнулся он. – Потрясающе выглядишь, Полина.

– Merci, – улыбнулась в ответ Полина, но тут же язвительно скривилась, мгновенно превратившись из веселой красавицы в злобную особу. – Не зря говорят: мужчину легче получить, чем удержать. Бегаешь от меня?

Они познакомились четыре года назад в Париже. В то время Полина была замужем, но этот факт не помешал ей ответить на ухаживания Романа. Год спустя она развелась и обвинила Сафопова в том, что это он разрушил ее счастливый брак. И хотя эта фраза была сказана в свойственной Полине манере несерьезности, Роман отчетливо понял, что она говорит правду. Полина ушла от мужа, потому что разлюбила его. И в этом был виновен Роман. После этого признания он старался редко видаться с мадам Матуа, так как Полина ожидала от него нечто большего, чем просто секса. Она хотела постоянно присутствовать в его жизни, пусть и не говорила вслух. Но это чувствовалось во взгляде, движениях, в той ауре надежды, которая ее окружала. Роман не хотел давать Полине ложных обещаний. И тем не менее он наслаждался общением с этой интересной во всех отношениях женщиной. Когда Полина успокаивалась и переставала думать о будущем, она становилась уверенной в себе, веселой и потрясающе привлекательной особой, время в компании с которой летит незаметно и легко. Такая Полина влекла Романа. Ему нравилось ее подвижное ухоженное лицо со светящимися глазами и широкой улыбкой. Ее рыжие волосы ярко блестели и мягкими волнами рассыпались по плечам. Вся она казалась аппетитной и очень вкусной. Да, Полина Матуа была похожа на пирожное с шоколадным кремом, которое всегда хочется попробовать, однако потребности в том, чтобы есть его каждый день, испытываешь лишь время от времени.

– Роман, я не прошу тебя стать моим мужем, поэтому прятаться от меня не стоит, – Полина снова улыбнулась, но улыбка эта была уже растерянной и смущенной. – Пардон, я не хотела поставить тебя в неловкое положение и вовсе не желала, чтобы ты отчитывался передо мной в том, как проводишь свое время.

– Полина, я от тебя не прячусь. Как ты здесь оказалась?

– Работа, – Полина неопределенно пожала плечами.

– В «Le Meridien»? – рассмеялся Роман и поднялся.

Он подал Полине руку, и та поднялась следом.

– Раскусил, – Полина лукаво улыбнулась. – Я узнала, что сегодня ты заселился, и решила тебя навестить.

– Оперативная работа. Я прилетел в Лондон шесть часов назад, а ты уже знаешь, где я остановился. Мадам Матуа, у вас в каждом отеле города есть шпион?

– Прогуляемся? – Полину нисколько не смутил этот вопрос. – Погода сегодня восхитительная.

Роман притянул Полину к груди. Она счастливо обхватила руками его за шею и подставила губы для поцелуя. Он слегка коснулся мягких губ и отодвинулся. Целоваться на публике ему не хотелось, он и так с досадой наблюдал, как за ними уже подсматривают из-за соседних столиков. Впрочем, на Полину сложно было не обратить внимание. Высокая, стройная, элегантно одетая, она казалась дамой, сошедшей с картинки журнала. Кроме того, в ней ощущалась хищность и дерзость, что заставляло трепетать от интереса и возбуждения.

– А что мы будем делать после прогулки?

– Шампанское и ночь любви, – Роман обнял ее за плечи и повел к выходу. – Устраивает?

– Никакой оригинальности! – рассмеялась Полина, и Роман почувствовал, как она загорелась в ожидании обещанного.

* * *

В «Air-group London» Роман не узнал ничего, что представляло бы для его расследования интерес. Мистер Стругс, главный инженер компании, сказал, что возможность диверсии абсолютно исключена.

– К самолетам не допускаются посторонние, – заверил он. – А свои вряд ли бы пошли на то, чтобы повредить машину или установить в ней взрывное устройство.

– Тогда все дело в технической неисправности?

– Исключено, – Стругс почесал рукой шею. – «Гольфстриму» был всего год, и детали не могли изнашиваться за столь короткий срок. Техническое обслуживание проводилось регулярно. В общем, он был в превосходном состоянии.

Роман покрутил в руке ручку и задумчиво посмотрел перед собой.

– Скажите, «Гольфстрим» принадлежал лично господину Дагомирову или он фрахтовал его у вашей компании?

– Самолет являлся собственностью Дагомирова. Мы лишь его обслуживали.

Стругс казался обеспокоенным. Роман списал его нервное поведение на неприятную ситуацию, сложившуюся вокруг компании. Газеты нападали на «Air-group London» за недобросовестную работу, повлекшую гибель одного из самых богатых людей планеты. Вместе с ним погибла блистательная Рита Бардем – ярчайшая звезда современного кинематографа. Спецслужбы России хорошо поработали, подумал Роман, уводя внимание общественности от убийства Дагомирова и привлекая его к Рите. Это стало прекрасной уловкой, с целью обуздать страсти относительно персоны русского миллиардера. Газеты умалчивали о нем, расписывая трагедию с участием великолепной синьориты Бардем. Мир кино лил слезы и стонал, поминая Риту. Но скоро и о ней перестанут писать, на сцену взойдет новая звезда, кто-нибудь из знаменитостей устроит скандал, а еще того лучше попадет под пулю или умрет от передозировки на белоснежной яхте. Роман не сомневался в безразличии людей к происходящему вокруг. И если в данный момент все увлечены громкими убийствами известных европейских бизнесменов, то завтра большинство переключат внимание на освещение в прессе дня рождения пуделя одного из celebrity.

Роман пристально взгляделся в бесцветные глаза Стругса.

– А теперь расскажите мне все, что касается установки стационарного телефона.

Стругс подергал шеей, словно разминая ее, потянулся к папкам, лежащим на столе, и достал одну из них.

– Установка санкционирована Дагомировым. Он сам того пожелал, потому что пользоваться обычными спутниковыми телефонами в самолете запрещено: они мешают работе приборов. Телефон установили перед вылетом в Нью-Йорк. Работали наши связисты. Можете с ними встретиться, если хотите.

Спустя час Роман позвонил Алексею Махову, талантливому программисту, к услугам которого часто прибегал, чтобы тот достал ему список лиц, с которыми Дагомиров общался с борта самолета. Роман чувствовал, что именно телефон являлся причиной гибели Дагомирова. Конечно, не сам телефон, а устройство, установленное одновременно с ним. Ребята-связисты клялись, что ничего, кроме инструментов и деталей для установки, в руках не держали. Испугавшись обвинения в случившемся, они были весьма искренними в эмоциях. Роман, как никто другой умеющий считывать истинный смысл слов и поведения людей, был уверен, что они говорят правду.

В полдень он встретился с бывшей женой Дагомирова недалеко от дома, где она проживала с десятилетним сыном. Они как раз прогуливались по парку, ожидая Романа. Мальчик обрадовался, когда мама попросила его оставить их и заняться велосипедом, на который он обреченно поглядывал, волоча рядом с собой. Он весело понесся вперед.

– Дмитрий так и не понял до конца, что отца больше нет, – сказала Наталья Дагомирова. – Счастливое детство: ни проблем, ни тревог. Сын все так легко и быстро забывает, что я порой ему завидую.

– Примите мои соболезнования, госпожа Дагомирова, – тихо произнес Роман и дотронулся до ее руки.

Она едва заметно улыбнулась этому красивому мужчине. Он впечатлил ее своей внешностью. Пожалуй, их встреча была единственным приятным моментом после смерти мужа. Высокий, великолепно сложенный, с мягкими серыми глазами, которые приятно лучились, когда он улыбался, с тонким прямым носом и темными волосами. Наталье захотелось убрать с его лба шелковистую прядь, дотронуться пальцами до кожи. Она прикрыла глаза и постаралась избавиться от волнующих ее мыслей.

– Зовите меня Натальей.

– Как скажете, – Роман легко сжал ее пальцы.

Наталья Дагомирова мало походила на типичную жену миллиардера, какой представлял ее Роман. Она была милой женщиной, лишенной того снобизма и высокомерия, которыми славятся супруги русских владельцев финансово-промышленных капиталов.

– Андрей должен был встретиться в Нью-Йорке с Марком, – начала рассказывать Наталья и, отвернувшись от Романа, поискала глазами сына. – О господи, где же он?!

– Не волнуйтесь, – Роман пробежал взглядом по парку. – Я его вижу, – он указал рукой в сторону, где катался мальчик. – Кто такой Марк?

– Марк Хьюз – партнер по бизнесу, – уточнила Наталья.

Она продолжала настороженно наблюдать за сыном и расслабилась только тогда, когда мальчик направился к ним.

– Вы, наверное, думаете о том, откуда мне известно, что собирался делать мой бывший муж? – усмехнулась она. – Андрей сам рассказал, что у него запланирована встреча с Марком. Он приезжал ко мне за день до своей смерти. Хм, – протянула она, – он ведь просил прощения за то, что оставил нас с сыном. И я уже согласилась его простить. Жаль только, что не успела сказать об этом.

Наталья поправила часы на руке. Роман заметил, что она волнуется, но ничего не сказал по этому поводу.

– Надеюсь, вы не думаете, что я причастна к его смерти? – спросила она.

– Нет, – ответил Роман, поняв причину ее нервозности.

– Не лгите. Вы допускаете эту возможность, – Наталья вздохнула. – Естественно, женщину, которая получила в наследство миллиарды, будут подозревать в первую очередь.

Зазвонил телефон, и Роман, извинившись, ответил.

– Это Махов, – сказали в трубку. – Значит, так, Рома. За тридцать секунд до взрыва на «Гольфстрим» поступил звонок от некоего Тотти. Этот синьор проживает в Риме, его адрес, а также сведения о месте работы я тебе уже отправил на ящик. Не благодари, лучше озолоти меня.

– Непременно, – ответил Роман и отключился.

Если бы рядом не было госпожи Дагомировой, прощание было бы немного жестче, а также красочнее в словесном оформлении.

– Наталья, вам знаком мистер Тотти?

– Нет, – ответила она, немного подумав. – Впервые слышу это имя. Муж не представлял меня своим партнером. Зато всех его любовниц я прекрасно знала.

– Простите?

Она неопределенно махнула рукой.

– Мысли вслух. Не обращайтесь внимания. Если я еще могу вам чем-либо помочь, спрашивайте.

– Все, что нужно, я уже узнал, – Роман блеснул улыбкой и, взяв Наталью за руку, галантно поцеловал. – Благодарю вас, госпожа Дагомирова.

– И вам спасибо, мистер Сафонов, – она вежливо наклонила голову вперед, а пальцами дотронулась до того места, куда поцеловал Роман.

Приехав в отель, Роман собрал вещи, выписался и отправился в «Хитроу». Уже в аэропорту он вспомнил, что не предупредил Полину о своем скором отъезде. На душе стало скверно оттого, что она снова подумает, будто он убегает от нее. Роман набрал номер ее телефона, но Полина не подняла трубку. Жаль, но ничего не поделаешь. Он улетал от нее в Рим, и хотя сожалел о том, что та прекрасная ночь, которую они провели вместе, повторится еще не скоро, огорчения исчезли, едва самолет взмыл в небо.

В Риме Роман поселился в отеле «Raphael», принял душ и отправился навестить Гаэтано Тотти, адрес которого оставил Махов. К сожалению, с хозяином квартиры ему не довелось увидеться. Тотти, как выяснилось, уже несколько дней не появлялся дома.

– Пропал Тано. Я уже два дня его не видела, – сказала Роману соседка и начала сокрушаться по несчастному питомцу, который остался запертым в доме хозяина: – Малыш Рикки кричит от голода. Бедняга. И как Тано не подумал о своем коте? Он же погибнет, если этот оболтус не появится в ближайшее время.

Роман сочувственно кивал в ответ на причитания старухи и думал о том, каким образом Тотти связан с Дагомировым и почему исчез после его смерти. По дороге в отель он решил, что ему необходимо развлечься, позвонил своей давней знакомой Лучиане Томазо и договорился о встрече. Страстная и пышногрудая Лучиана поможет ему отвлечься от постоянно атакующих мыслей, а завтра он вновь примется за работу. В предвкушении предстоящего свидания Роман не заметил, как добрался до «Raphael». Он быстро прошел через холл и, подойдя к лестнице, остановился. Медленно обернувшись, он с удивлением посмотрел на женщину, разговаривающую с управляющим. Секунду назад он списал бы увиденное на игру воображения, потому что реальность картины казалась фантастически неправдоподобной. Роман с досадой усмехнулся: в том, что в пяти шагах от него стоит Полина, сомневаться не приходилось. Он уже отсюда чувствовал запах ее парфюма, а ее мягкий смех легкими волнами расходился по величественному холлу отеля.

– Полина?! – вырвалось у него, пожалуй, громче, чем того требовали приличия.

Рыжие волосы плавно взлетели в сторону, женщина повернулась и очаровательно улыбнулась.

– Доброе утро, синьор Сафонов.

Глава 8

Леона улыбнулась, когда увидела желтый «Lamborghini», с тихим рокотом подъехавший к кафе. Сидящий за рулем Алессандро, с расчетом чтобы все находящиеся в радиусе двухсот метров обратили на него внимание, медленно припарковал машину у входа. И вышел он с таким же апломбом: жеманно поправил волосы, снял легкий пиджак и небрежно перекинул его через плечо, задержался у двери, для того чтобы у посетителей была возможность его рассмотреть. «Наверное, он входит в тройку самых известных пиджачников Рима», – подумала Леона и, сама того не желая, залюбовалась его наглой походкой.

Алессандро действительно был уверен в своей неотразимости, да и держался он нарочито надменно, словно чувствовал себя хозяином мира или, по крайней мере, его половины. Наследник известной итальянской семьи мог позволить себе быть таковым: деньги отца, которыми он пользовался без особого стеснения, давали возможность претворять в жизнь любое желание. А желаний у него было много. Впрочем, все они, так или иначе, были связаны между собой: шикарные авто, не менее шикарные женщины, являющиеся неотъемлемой частью его красивой жизни, и бесконечная череда развлечений. В свои двадцать семь Алессандро не добился никаких успехов в профессиональной жизни, однако это не волновало его. Привлекательный, веселый и общительный, он не видел смысла в напряженном труде, так как вместо него работал отец, который ни в чем не отказывал своему непослушному и дерзкому сыну. Алессандро не тяготил тот факт, что он живет за чужой счет. Он вообще об этом не задумывался, считая происходящее естественным и правильным. Отцы на то и существуют, чтобы обеспечивать своих детей. Поэтому легкомысленно прожигал состояние отца, конечно, ровно настолько, насколько тот позволял ему делать это. Проблемы с полицией, ночные гонки по автострате в нетрезвом виде, дорогие рестораны и прочие модные увеселительные заведения, лучшие курорты мира, магазины и, главное, красивейшие женщины – из этого состояла его жизнь. Жить нужно азартно – такова была его концепция, ее он и придерживался, не изменяя ни на йоту своим эгоистичным принципам.

Однако при всей своей заносчивости и высокомерности Алессандро умел располагать к себе, и это получалось у него чертовски мило и непосредственно. Он купался в обожании окружающих его людей, наслаждался их любовью и беззастенчиво пользовался ею. Влюбчивый и поэтому легко меняющий свои пристрастия, Алессандро давно сбился со счета побед, одержанных над противоположным полом, настолько велик был этот список. Женщины появлялись в его жизни и исчезали с такой молниеносностью, что уже перестали быть нечто особенным. Они отличались друг от друга только цветом волос и размером бюста.

Лишь одна особа настолько привлекла внимание избалованного мальчишки, что он не мог избавиться от мыслей о ней уже в течение двух лет. Поначалу Алессандро смеялся над своими чувствами к Леоне, принимая их за очередной каприз. Потом испугался, так как его любовь становилась сильнее, а физическое желание заставляло все внутри гореть, едва в голове проскальзывала мысль о ней. Он боялся, что отец узнает о его влюбленности. Как он себя поведет в этом случае? Разумеется, не обрадуется. Возможно, заставит уехать из страны, потому что не потерпит соперников в непосредственной близости от себя. И будет при этом прав.

– Здравствуй, дорогой, – Леона указала Алессандро на стул напротив. – Ты заставил ждать себя. Опоздал, словно девица на свидание.

– Надеюсь, ты не скучала, – небрежно ответил он, присаживаясь.

– Наглец! – рассмеялась Леона.

Алессандро жадно посмотрел на ее смеющийся рот и тут же спрятал лицо за страницами кофейной карты. Это заставило Леону рассмеяться еще громче.

– Але, ты заходишь слишком далеко, – она укоризненно покачала головой. – И меня тянешь за собой.

– Вот как? – Алессандро с надеждой заглянул ей в глаза, но тут же взгляд его потух, так как он увидел, что Леона насмехается. – Не будь жестокой! Я действительно схожу с ума по тебе.

– Не глупи, мой дорогой. Между нами не может быть никаких отношений. Кроме семейных, разумеется.

Леона дотронулась пальцами до губ, прикрывая улыбку. Пылкий Алессандро привнес разнообразие в ее размеренную жизнь. В последнее время она начала скучать, и чувства пасынка как ничто другое поднимали настроение. Любовь Алессандро вносила конфликт в отношения с Дарио, но также освежала чувства. Конечно, она приносила боль самому Алессандро, однако здесь Леона не считала себя виноватой, потому что мальчишка самостоятельно выбрал, кого любить. По неосторожности и эмоциональной незрелости объектом страсти оказалась мачеха. Похождения ничему не научили Алессандро, он был неопытным, безрассудным и трогательным в своем желании. В особенности его привлекало все то, что невозможно получить. Парадокс, но люди всегда тянутся к запретному, и Алессандро не являлся исключением.

– Смеешься надо мной? – черные глаза Алессандро горели обидой.

– Нет. Скорее я переживаю.

– Леона, ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

Алессандро положил ладонь ей на руку. От удивления Леона никак не отреагировала на это нежное прикосновение. Алессандро впервые решился признаться в своих чувствах. Раньше он избегал подобных разговоров, только его взгляд красноречиво говорил о том, что он испытывает.

– Поэтому ты пригласил меня сюда? – спросила Леона, медленно высвобождая пальцы. – Ради признания?

Алессандро спрятал руку под стол и обратил внимание на подошедшего официанта. Они сделали заказ. В ожидании кофе и Алессандро, и Леона молчали, словно напиток должен был дать обоим силы для продолжения разговора.

– Я переезжаю в Милан.

– Правда? – Леона огорчилась. – Как скоро?

– Через две-три недели. Как раз закончится ремонт в квартире, которую мне купил отец.

Алессандро двумя глотками выпил горячий кофе и отставил чашку в сторону. Он тоже был расстроен, но пытался казаться веселым, чтобы хоть как-то скрасить неловкость момента.

– Это Дарио предложил тебе уехать из Рима?

– Нет! Я сам так решил.

– Не верю. Но кто бы ни был инициатором твоего отъезда, думаю, это единственно правильное решение. Так будет лучше для каждого из нас.

– Значит, ты расстроена, – удовлетворенно произнес Алессандро и глазами показал официанту, что желает еще кофе. – Я рад.

– Не стоит. Я злюсь, потому что твой отец измучил меня своей ревностью.

– Это логично. И я ревновал бы тебя к любому. К тому же он намного старше, следовательно, всегда будет бояться молодых соперников.

Алессандро приосанился и сделал хитрое лицо. Это снова рассмешило Леону. Она наклонилась вперед и прошептала:

– Спрыгни с трона. Ты своему отцу не соперник. И он это прекрасно понимает. Жаль, что до тебя пока не дошло.

– Ах ты, гадкая стерва, – усмехнулся Алессандро и также наклонился вперед. – За словом в карман не полезешь. Впрочем, за это я и люблю тебя.

Столик был узким, и их лица почти соприкасались. От Алессандро пахло кофе, и Леоне захотелось поцеловать его, чтобы почувствовать этот вкус на своих губах. Алессандро потянулся вперед, но Леона быстро отодвинулась.

– Зачем ты дразнишь меня? – спросил он.

– Мне это доставляет удовольствие, – призналась она. – Ты красив, интересен, и я смогла бы полюбить тебя, если бы мы встретились раньше. Но я замужем за Дарио и менять что-либо не собираюсь. Пока, во всяком случае.

– Знаешь, Леона, я уже устал от этой ситуации.

– Я не соблазняла тебя.

– Ты права отчасти.

– Намекаешь на то, что я никогда не давала тебе отпора?

Леона напряженно потерла пальцами лоб, понимая, что Алессандро имеет право упрекнуть ее. Она не одернула его, когда тот впервые проявил к ней внимание, чем и спровоцировала эту болезненную страсть.

– Мне жаль, Алессандро. Прости за то, что дала ложные надежды. Скажу честно, мне льстили твои чувства. Но сейчас я знаю, что совершила ошибку.

– Расслабься. Это моя вина.

– Глупо как-то получается, – улыбнулась Леона. – Мы как два школьника просим друг у друга прощение, хотя не сделали ничего дурного. Я не хочу, чтобы ты уезжал.

– А я хочу, – вдруг пылко сказал Алессандро. – В Милане начнется новая жизнь. Без тебя.

– По крайней мере, Дарио не убьет нас, если мы вдруг решим надеть глупостей.

Леона поднялась и поправила слегка измявшееся платье. Алессандро весело осмотрел ее фигуру и не менее весело улыбнулся.

– Знаешь, я хотел бы делать с тобой глупости каждый день на протяжении всей своей жизни.

– Любовь не бывает вечной, – Леона протянула руки Алессандро, заставляя подняться. – Хотя, наверное, я ошибаюсь.

Они расплатились за кофе и вышли на улицу. У машины Алессандро остановился, повернулся к Леоне и сказал:

– Всегда мечтал о твоём поцелуе. Может, это к лучшему, что он так и останется мечтой.

Леона притянула его к себе и легко поцеловала в щеку. Она уже собиралась сделать шаг назад, как неожиданно для себя обняла Алессандро за плечи. Сердце гулко стучало от его близости. От Алессандро вкусно пахло, щека его была гладкой, а губы так близко. Если бы Леона увидела себя со стороны, она поразилась бы тому, насколько счастливой кажется в объятиях Алессандро. Она увидела бы его лицо, в котором одновременно читались и радость, и печаль.

– Такое чувство, как будто прощаемся навсегда, – тихо сказал Алессандро и поцеловал ее.

Оба знали, что это поцелуй был первым и последним. От этого он стал еще слаще и горче.

– Уезжай, – сказала Леона, но крепко держала Алессандро за плечи, не давая сдвинуться с места.

Алессандро разомкнул объятия, сел в машину и мгновенно тронулся с места. Леона провела взглядом быстро удаляющийся «Lamborghini» и направилась к своей машине.

– Вы оба подлые твари, – послышался позади нее голос. – Спасибо за подарок, дорогая матушка. Думаю, что уже сегодня вечером ты будешь паковать чемоданы.

Леона больно прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Она стремительно повернулась к оскорбившему ее Мауро и дала оглушительную пощечину.

– Закрой рот! Это ты подлая тварь. Бегал рядом, как трусливый кот, вынюхивал пикантную ситуацию, чтобы потом наябедничать папочке.

Мауро схватился за горящую щеку и сделал шаг назад. Он был ошеломлен яростью Леоны, но еще больше его озадачил страх, холодком пробежавший по позвоночнику. Страх и

ненависть – два чувства, которые он испытывал в эту минуту. Гнев душил его, лицо покраснело от прерывистого дыхания. В злобной усмешке он растянул губы и прошипел:

– Да, я следил за тобой. Я всегда знал, что ты спишь с моим тупым братцем, но отец не хотел верить этому. Теперь у меня есть доказательства, и он наконец вышвырнет тебя из нашей жизни.

– Надеюсь, у тебя был с собой фотоаппарат? Иначе Дарио не поверит ни единому слову. Да и ты не настолько смел, чтобы бороться со мной в открытую. Все, на что ты способен, это плевать из-за угла и сразу же прятаться за чью-нибудь спину. Иди пожалуйста Себастьяно за то, что тебя ударила распутная мачеха. Он успокоит твое раненое самолюбие.

Леона очень обрадовалась этой неожиданной ссоре. Душа ее была полна яда, и она выплескивала его на человека, которого не уважала и никогда не боялась. Мауро всегда раздражал Леону трусостью и двуличностью натуры. С того самого дня как они с Дарио поженились, он записал ее в число своих врагов, но никогда не атаковал при отце. Как паук он плел интриги, расставлял сети, однако был слишком глуп, чтобы поймать такую крупную добычу, как Леона.

– А теперь советую тебе убраться, – продолжала Леона. – Лучше собери вещи и исчезни. Спрячься там, где я тебя не смогу достать. В противном случае я тебя раздавлю, как надоедливую блоху. Все. Игры закончились.

Она схватила Мауро за рукав и дернула с такой силой, что он едва удержался на ногах. По комплекции они были почти одинаковыми. Оба невысокие, тонкие и изящные, они были равны физически. И то, что Мауро являлся мужчиной, не давало ему преимущества, потому что сейчас Леона полностью подавила его. Дарио говорил, что «убить» самооценку человека очень легко. Нет непробиваемых. Нужно лишь знать, как и куда бить. Самым слабым местом Мауро была его спесивая надменность, которая ничем основательным не подкреплялась. Это была искусственно созданная гордость, и разбить ее вдребезги не составляло труда.

– Не смей разговаривать со мной в подобном тоне, – Мауро предпринял последнюю попытку восстановить равновесие в ссоре.

– Что?! – Леона сделала шаг вперед. – Это ты следи за своей речью, глупый ребенок, борющийся за папино внимание. Ты на все готов, лишь бы добиться от Дарио похвалы. Но он тебя не замечает. А все потому, что ты для него пустое место, жалкий плевок...

– Еще одно слово, и я... – лицо Мауро было белым, а губы стали пунцовыми от едва сдерживаемого гнева.

– Убьешь меня? Уймись, а то у тебя случится эпилептический припадок, – Леона махнула рукой и направилась к машине.

– Можешь не возвращаться домой! – выкрикнул Мауро.

Леона на мгновение замедлила шаг и оглянулась, чтобы Мауро детально рассмотрел ее лицо. Угроза, которая читалась в глазах мачехи, заставила Мауро вздрогнуть и пожалеть о том, что произошло. Он отчетливо осознал, что не посмеет рассказать отцу об увиденном. В противном случае месть Леоны будет жестокой. Впервые в жизни ему стало страшно за себя. Он понял, что боится ее. Мягкая и нежная Леона, которая безропотно сносила оскорбления, исчезла. Он увидел перед собой особу, не ведающую страха, способную избавиться от любого, кто перейдет ей дорогу. С ужасом Мауро побежал к своей машине, стараясь избавиться от леденящего душу предчувствия.

Леона же ощущала спокойствие внутри себя. Она включила радио, и по салону разлилось чье-то слащаво-томное признание в любви в сопровождении незамысловатых аккордов. Леона не думала о Мауро, мысли ее были заняты Алессандро и его поцелуем. Размышления прервал звонок по мобильному. Это была Ильяда.

– Куда собираешься ехать? – настороженно спросила она.

– К Табо.

– Нет, – отрезала Ильда. – Езжай на «Вилла Анна». За тобой с самого утра неотступно следует Чезаре. Оторваться от него ты не сможешь, поэтому возвращайся домой. Не стоит еще больше раздражать Дарио.

– Хорошо, – без возражений согласилась Леона. – Табо с тобой?

– Да.

– Ильда, вы выполнили мою просьбу?

– Да, дорогая, – голос Ильды мгновенно потеплел. – Все в порядке.

– Хорошо, – улыбнулась в трубку Леона. – Давно вы за мной присматриваете?

– С того самого момента, как приехал Алессандро.

– Значит, вы были свидетелями моего столкновения с Мауро?

– Весь квартал осведомлен о том, что члены семьи Аскари ненавидят друг друга.

– Ну и пусть! – Леона завела машину. – Жаль только, что о нашей ссоре узнает Дарио. Чезаре ведь непременно расскажет ему.

– Выкрутимся, – рассмеялась Ильда. – Выезжай на дорогу. Мы следуем за тобой. Да, и еще. Ваш поцелуй с Алессандро произвел на Табо неизгладимое впечатление. Он завидует парню.

Леона улыбнулась, услышав, как громко возмущается Табо на слова Ильды.

– Перестань дразнить мальчика, – сказала Леона. – Хотя я и сама знаю, что он пишет от любви ко мне. Мне уже десять лет назад было об этом известно.

Ильда вдруг громко вздохнула в трубку.

– Встретимся дома, – сказала она. – Лео, не лихач на дороге. Не хочу присутствовать на твоих похоронах и видеть радостное лицо Мауро.

– Jawohl¹, мой генерал!

– Не нравится мне ее азарт, – Ильда отложила телефон в сторону и повернулась к Табо.

Мужчина внимательно следил за тем, как машина Леоны выезжает на проезжую часть.

– Давно я не видел ее такой живой, – проговорил он. – Нужно за ней присматривать, иначе наделает глупостей. Сейчас это нам ни к чему.

¹ Так точно (нем.).

Глава 9

– Дарио, я увеличил свою охрану вдвое. И все равно мне страшно. Дергаюсь при каждом шорохе. Мне кажется, что любая секунда может стать для меня последней.

Марк Хьюз – невысокий мужчина, с седыми висками, светло-кариими глазами и красным носом уже более получаса высказывал Дарио свою обеспокоенность. Сейчас он не был похож на телекоммуникационного магната, известного своей алчностью и жесткостью. Это был шестидесятилетний старичок, испуганно вжавшийся в кресло и нервно потягивающий уже третий стакан виски.

– Вчера разговаривал с Тору, – Марк допил последний глоток алкоголя и снова потянулся к бутылке. – Он встревожен не менее.

– Марк, ни я, ни ты, ни Тору не имеем представления о том, что происходит.

Дарио с раздражением уставился в монитор, на котором можно было просмотреть любой участок «Вилла Анна». Сейчас экран показывал их спальню. Она была пустой без Леоны и мрачной. Дарио думал о том, где находится его жена, и почти не вслушивался в истеричный голос Марка.

– Дарио, что нам делать?

– Я не знаю, – Дарио повысил голос.

– Твою мать! – Марк вскочил с кресла и пробежался по кабинету. – Мне не стоило приезжать! Но я не мог отклонить приглашение Симоне. Хотя следовало закрыться в своей крепости, как это сделали остальные.

– Принцу Афдал-Валиду это не помогло, – напомнил Дарио и с облегчением вздохнул, потому что в кабинет вошел Себастьяно. – Ничего с тобой не случится на приеме, – продолжил он. – Пробудешь ровно столько, сколько требует регламент, и спокойно улетишь домой.

– Кстати, Марк, – вступил в разговор Себастьяно, – ты распорядился проверить свою птичку? А то ненароком придется поплавать в Атлантике.

Он хрипло засмеялся, заметив ужас, промелькнувший в глазах Хьюза.

– Чтоб у тебя язык отвалился, – сказал Хьюз, но вдруг рассмеялся следом за Себастьяно. – Вас, черти, ничто не берет!

– Какой смысл дергаться раньше времени? – спросил Себастьяно, подошел к столику с напитками и плеснул себе в стакан виски. – Мы сейчас похожи на загнанных в норы зверьков. Боимся и трясемся от страха, хотя не знаем, откуда ждать удар, и будет ли он вообще.

– Думаешь, что три трупа – это роковая случайность? – усомнился в его словах Марк.

– Я ничего не думаю. Я лишь знаю, что трое убиты. Остались еще четверо.

– Себя уже в расчет не берешь? – хмыкнул Хьюз.

– А он думает, что давно рассчитался за все грехи, – сказал Дарио.

Он был рад тому, что Себастьяно внес в разговор с Хьюзом элемент беззаботности. Марк несколько успокоился, почувствовал уверенность и перестал брызгать слюной от страха.

– Знаешь, Дарио, зря мы тогда... – с опаской произнес Хьюз.

– Раньше нужно было отказываться, – оборвал его Себастьяно.

– Я думаю, что это месть Этторе. Он избавляется от нас за то, что мы убили его.

– Да, – Себастьяно так громко рассмеялся, что все присутствующие в кабинете вздрогнули от неожиданности. – Встал из могилы и устроил акт отмщения. Жутко становится оттого, что нам придется сражаться с призраком.

Марк постучал пальцами по столу.

– Знаю, что говорю глупости...

– Вот именно.

– Но тогда скажи мне, – Марк повернулся к Себастьяно, – кто еще заинтересован в наших смертях?

– Думаешь, таких не найдется? – усмехнулся Дарио. – Мало ли кому мы перешли дорогу в свое время.

– Все одновременно? Весь «альянс»?

– Марк, мы уже обдумывали тот вариант, что гибель Дагомирова, Иммы и принца связана с Этторе, – Дарио снова посмотрел на монитор в надежде, что увидит там Леону, но комната была пуста. – Прошло столько времени со дня его смерти. Если бы мы что-то упустили, то это уже давно вышло бы наружу.

– Надо учитывать все варианты, – возразил Хьюз. – Я уже проверил всех, кто может мне навредить.

– Я тебя умоляю! – воскликнул Себастьяно. – Он проверил всех! Как можно установить защиту от того, кто тебе неизвестен?

– Моя служба безопасности не сидит на месте, – Марк снова потянулся к бутылке.

– Рад за тебя! Налей мне, пожалуйста. И не нагнетай страх.

– Ладно, убедил, – Марк подал стакан. – Я лишь мечтаю о том, чтобы поскорее вернуться домой. Странно, что в свете нынешних событий Симоне не отменил праздник.

– Считается, что официально он не знаком с погибшими, – ответил Дарио. – Поэтому и траур носить не обязан. В любом случае к нам будет трудно подобраться на этом мероприятии. Симоне, как всегда, решил отпраздновать свой день рождения с большим размахом. Сам посуди, на пять сотен гостей охраны будет в три раза больше.

– По крайней мере, повеселимся в этот вечер. Ведь ваш премьер-министр как никто другой умеет принимать гостей, – со вздохом произнес Хьюз и поднялся. – Я покидаю вас, господа.

Дарио поднялся следом за Марком, подошел к нему и похлопал по плечу.

– Скоро увидимся.

Марк вышел из кабинета. Себастьяно наблюдал за тем, как он быстро садится в машину, и улыбался.

– Ставлю сотню, что следующим будет синьор Хьюз.

– Хорошо, что свои мысли ты озвучил после его ухода.

Дарио бросил взгляд на монитор. Это не осталось незамеченным для Себастьяно.

– Леона в городе с Алессандро, – усмехнулся он.

Дарио резко отвернулся в сторону. Ему было стыдно за ревность и неуверенность в себе. Чтобы хоть как-то прийти в себя, он сделал несколько глубоких вдохов и улыбнулся. Он вспомнил слова Леоны, которая говорила, что смеющийся человек не может грустить и тем более гневаться. Смех меняет внутреннее состояние, печаль уходит, и на ее месте появляется спокойствие. Но как бы Дарио ни пытался очистить свою душу от ревности, у него это не получалось. Губы улыбались, а сердце горело мучительным сомнением. Сейчас он как никогда подозревал жену в неверности. Дарио уже не думал о ситуации, происходящей вокруг него и партнеров, мысли были заняты Леоной и тем, где она находится в данный момент.

Он снова подошел к монитору, и глаза его радостно заблестели. Леона сидела у зеркала и снимала с лица косметику. Она казалась спокойной и даже несколько отчужденной, словно оставалась в комнате и одновременно отсутствовала. Движения рук были механическими, она машинально убирала со щек румяна и не задумывалась над тем, что делала. Леона о чем-то размышляла, и Дарио отдал бы многое, чтобы узнать ее мысли.

Себастьяно с интересом заглянул в монитор.

– Вернулась, – сквозь зубы проговорил он и отключил экран. – Дарио, ты отравляешь себя.

– Знаю, – нехотя ответил тот. – Я превратился в параноика. Не думал, что подобное произойдет со мной. Раньше я смеялся над ревнивыми идиотами, которые мучают своих жен подозрениями и везде ищут признаки измены.

Дарио удивленно застыл в кресле оттого, что посмел открыться Себастьяно. Он уже приготовился услышать язвительный смех друга и не менее ядовитую реплику. Но Себастьяно молчал. Он снял пиджак, закатал рукав рубашки и отстегнул протез. Подержал его в здоровой руке, будто оценивал вес, и положил на стол перед Дарио.

Двадцать три года назад Себастьяно стал инвалидом, и виновником этого был Дарио. Они отправились на охоту в горах и весело проводили время. Как получилось, что ружье выстрелило точно в кисть, Дарио до сих пор не мог понять. Он только перезарядил его и уже собирался отложить в сторону, как вдруг раздался выстрел. Мелкие свинцовые шарики разорвали и обожгли плоть, раздробили кости. Себастьяно дико закричал, и этот отчаянный крик боли еще долго приходил к Дарио во сне. Почти все предплечье пришлось удалить. Вердикт врачей был неутешительным. Как ни пытался Дарио уговорить их сохранить руку друга, они были категоричны в своем решении. Даже лучший хирург Италии и срочно вызванный из Лондона известный ортопед пришли к выводу, что самым правильным вариантом будет избавиться от изуродованной и не подлежащей восстановлению конечности.

Дарио взял в руки протез. Так близко он не рассматривал его никогда.

– Совершенство, да? – спросил Себастьяно и с наслаждением потер ладонью культю.

Лишь однажды Дарио и Себастьяно говорили о несчастном случае. Это произошло в больнице после того, как Себастьяно очнулся от наркоза. Инстинктивно он дотронулся до раненой руки, но ее не оказалось на месте. Он бросил тревожный взгляд на Дарио и протяжно застонал. А через две минуты сказал спокойным голосом:

– Не вини себя. Но запомни: ты мой должник. Поэтому протезы буду менять за твой счет.

Больше разговоры о потерянной руке не велись. И на охоту они уже никогда не ездили. Зато Себастьяно научился хорошо рыбачить, помогая себе протезом. Но в море выходил один, заявляя, что едет не на рыбалку, а на чистку мозгов. Два дня в окружении воды и неба делали свое дело: он возвращался веселым, посвежевшим и менее злым, чем обычно.

– О чем задумался?

– О том выстреле, – Дарио отложил протез в сторону. – Ни о чем не жалею в своей жизни. Но если бы была возможность вернуться назад, никогда не поехал бы на ту злополучную охоту и тебе запретил бы.

Себастьяно поправил усы над губой и, как показалось Дарио, радостно улыбнулся.

– Верю. А сейчас поговорим о насущном.

Дарио повернулся к Себастьяно и нахмурил лицо. Солнечные лучи мешали видеть ему лицо друга, тогда он потянулся к пульту и нажал кнопку. Жалюзи медленно двинулись вниз, и вскоре комната погрузилась в полумрак. Дарио включил светильник на столе и удовлетворенно кивнул. Теперь ему было комфортно.

– Тотти клянется, что не знает, кто звонил с его номера Дагомирову. Он всю ночь кувыркался со своей любовницей. Звонок был сделан в три часа ночи. Мобильный его лежал рядом с кроватью. Так Тотти говорит. Но мне мало верится в то, что он запомнил, где находится телефон. Если в твоей постели лежит голая баба, сложно обращать внимание на что-то другое, кроме нее.

– А женщина? – Дарио потянулся к бутылке виски. – Тебе налить? Ты смотри, Марк почти все выпил!

– Нет, не наливай. У меня еще есть дела. Хочу, чтобы мысли были ясными. А девица исчезла, на звонки не отвечает. Не поверишь, но Тотти не знает ни ее фамилии, ни где она живет. Только имя. Некая Кьяра.

– Как можно спать с женщиной, о которой ничего не знаешь? – удивился Дарио.

– Кто бы говорил! Все ли ты знал о своих любовницах?

– Ты прав, – засмеялся Дарио и выбросил пустую бутылку в урну для бумаг. – Но я уже и забыл, что у меня когда-то были любовницы. Значит, все, что мы имеем, – это звонок Андрею за несколько секунд до взрыва?

Себастьяно кивнул и стал пристегивать протез к руке. После надел пиджак и направился к двери.

– А где Тотти сейчас? – поинтересовался Дарио, разглядывая спину Себастьяно.

– Плывет к берегам Греции. Баттерфляем, – не оборачиваясь, сказал тот и вышел из кабинета.

В холле он столкнулся с Ильдой. Вернее, Ильда стояла у лестницы, ожидая появления Табо, а Себастьяно не смог пройти мимо, не задев ее.

– Веселый был день, красавица?

Ильда отбросила косу за спину и вежливо улыбнулась. Она знала, что нравится Себастьяно, но держалась от него на расстоянии. На все ухаживания не обращала внимания, на комплименты не реагировала. Подобное поведение раздражало Себастьяно, так как он не привык к отказам женщин. Однако Ильде он прощал холодность и равнодушие. Черноволосая и белокожая подруга жены Дарио привлекала его, и тем не менее он относился к ней весьма настороженно. Себастьяно чувствовал тайну: Ильда была слишком закрытой для всех, ни с кем, кроме Леоны и Табо, не общалась, вела себя учтиво, но отстраненно. Себастьяно видел, что Ильда умеет гармонизировать настроение Леоны. Ее присутствие делало Леону более уравновешенной и спокойной. Она умирала пылкий темперамент подруги, делая это мягко и ненавязчиво. Подобные отношения между женщинами были редкостью. Это не давало покоя, так как в женскую дружбу Себастьяно не верил. С таким же напряженным вниманием он относился к Табо, который обожал Леону. Они вели себя как брат и сестра, что весьма смущало синьора Корти. Столь тесная связь настораживала его. Себастьяно тщательно проверил биографии всех троих, прежде чем впустить на «Вилла Анна». Не найдя ничего особенного в их прошлом, Себастьяно успокоился, и все же непонятное чувство тревоги появлялось внутри, когда он смотрел в черные глаза Ильды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.